

Монахиня Порфирия

**ЛЕКАРСТВО ОТ ДУШЕВНОЙ ХВОРИ,
ИЛИ
ЦЕЛИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ,
РАССКАЗАННЫЕ С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ
ДУХОВНЫМ ЧАДАМ**

Усекновенская пустынь «Катафиги»
Великой Лавры прп. Афанасия Афонского
на Святой горе Афон

2018

УДК 271.791

ББК 86.372

М 77

16+

Монахиня Порфирия

М 77 Лекарство от душевной хвори, или Целительные истории, рассказанные с глазу на глаз духовным чадам / Ред.-сост. иеромонах Симон (Безкровный). — Усекновенская пустынь «Катафиги» на Святой горе Афон, 2018. — М. : АНО развития духовно-нравственных начал общества «Символик», 2018. — 128 с.

ISBN 978-5-6041293-7-1

Книга состоит из увлекательных и поучительных историй, сказок и притч, рассказанных почтенной старицей, монахиней Порфирией, во время бесед с близкими чадами, монахинями одного женского скита. Основой этих рассказов послужили воспоминания жизни и слов схимонахини Виталии (Мищенко), с которой монахиня Порфирия многие годы находилась в тесном духовном общении. Матушка Ольга (в схиме — Виталия), в молодые годы вместе с мужем оставив мир, последовала за Глинскими старцами, переехавшими на Кавказ после закрытия Глинской пустыни во времена жестоких гонений со стороны властей в шестидесятые годы. У нее в доме останавливались благочестивые миряне и монахи, приезжающие в паломничество и за советом к пустынноикам из всех уголков России. В последние годы жизни матушка стала почитаемой старицей — люди тянулись к ней, ища совета и утешения.

УДК 271.791

ББК 86.372

© Усекновенская пустынь «Катафиги» на Святой горе Афон, 2018

© АНО развития духовно-нравственных начал общества «Символик», оформление, верстка, 2018

*Памяти
схимонахини Виталии
посвящается*

Вот, вышел сеятель сеять...

Мф. 13, 3

От редактора-составителя

Это скромное издание, посвященное памяти схимонахини Виталии, почившей в 2012 году в Сухуми, не стоит листать наугад. Оно заслуживает того, чтобы вдумчиво и не торопясь его прочитать и обрести пользу от глубинного смысла приведенных в нем серьезных духовных наставлений. Поучительные события, рассказанные почтенной старицей, монахиней Порфирией, во время бесед с близкими чадами, монахинями одного женского скита, обнаруживают ее незаурядное знание жизненных коллизий, а также показывают широту русской души в действиях и поступках многочисленных персонажей, населяющих ее повести и никогда не оставляющих веру в Святой Промысл и Божественное заступничество.

Замечательный молитвенный опыт увлекательных и невероятных происшествий, переданных в записках подвижницей, целиком рассчитан на взрослых читателей, которые живут в Православии не словом, но делом. Мало сказать, что рассказы монахини Порфирии очень жизненны, что в них радость и печаль переплетаются между собой, но из них следует вывод, что жизнь, вероятно, более сказочна, чем представляется нам, погруженным в суету и мелочность повседневных забот и попечений. И об этом говорит книга, предлагаемая вашему вниманию.

Ее содержание во многом навеяно воспоминаниями из жизни и слов схимонахини Виталии, которая, в молодые годы вместе с мужем оставив мир, последовала за Глинскими старцами, переехавшими на Кавказ после закрытия Глинской пустыни во времена жестоких гонений со стороны властей в шестидесятые

годы. В горах Абхазии послушница подвизалась под окормлением Глинских отцов — архимандрита Серафима (Романцова), а затем его ученика, старца Виталия (Сидоренко), из рук которого впоследствии приняла монашеский постриг как монахиня Ольга. Ее супруг с благословения духовников стал диаконом в Сухумском соборе, затем также приняв монашество. После кончины отца Серафима послушанием монахини Ольги было странноприимство монахов и монахинь, приезжающих в паломничество и на совет к пустынноикам из всех уголков России. Ее сухумский домик-келью неоднократно посещал известный все-российский духовник архимандрит Кирилл (Павлов) и другие отцы-подвижники. Благодатная помощь умудренной монахини страждущим людям, ее молитвы, советы и наставления долгие годы укрепляли и поддерживали веру многочисленных паломников и местных жителей — абхазов. В конце жизни она приняла схиму, в память своего духовника став схи-монахиней Виталией. С этой мудрой старицей находилась в тесном духовном общении монахиня Порфирия, рассказы которой и составляют эту книгу. Рукопись этих «целительных историй» была получена редакцией по почте, и нашей задачей было лишь распределить повествование по главам и внести небольшие уточнения.

*Иеромонах Симон (Безкровный);
декабрь, 2016 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

По правде сказать, к писательству у меня никогда не было особого интереса. Разве иной раз письмо знакомому черкну, как это водилось раньше. В нашей семье сочинительство считалось пустым занятием. Поучительную историю отец к случаю любил присо-вокупить, когда моя сестричка и я еще были детьми. С годами, однако, я открыла, что сказки никуда не делись, а продолжали жить незаметно рядом, только их нужно уметь увидеть. Начала записывать их для своего вразумления, а потом позабыла.

Когда же стара стала и подслеповата (надо сказать, что уже давно я живу при монастыре в маленькой кел-лейке), растапливала я зимой свою печурку заваляв-шимися бумажками. Сестры заметили, взяли их раз-глядывать, да и всполошились: «Матушка, а матушка, вы ведь печь какими-то сказками растапливаете! Дайте почитать!». А я уж, по слепоте, больше половины со-жгла.

Пристали монахини ко мне: напечатайте, мол, да напечатайте, пусть и другие люди почитают! Так и на-бралась небольшая книжка. Я никого не заставляю ее читать, пусть читают те, кому она понравится: воро-бей не велик, но тоже птица! Прошу не судить меня, старую, строго за мой нрав неугомонный. Писалось-то все это в молодости, а печатать пришлось в старости. Ну уж как вышло, так и вышло, что поделаться, про-стите меня! Весь грех беру на себя, если ненароком кто-нибудь заявит: «Вот, и о нас уже сочинила не-весть что эта старая егоза, монахиня Порфирия!». Еще раз прошу всех простить меня ради Христа!

Грешная монахиня Порфирия

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Хромоножка

С детства, сколько себя помню, я любила слушать сказочные истории. Забавные, грустные, смешные, разные, но непременно с хорошим концом. Как услышу такую историю — и всякую хворь душевную как рукой снимет! К сожалению, в жизни сказок с хорошим концом становилось все меньше, а грустных добавлялось все больше и больше. Припоминаю одну такую грустную сказку. Только вначале хотелось бы сказать следующее: сколько людей ни живет на белом свете, а горделивых сразу видно. У них у всех выражение лица одинаковое: какое-то глупое, из-за сильного увлечения собственной персоной. Им увидеть душу ближнего, пожалеть ее и посочувствовать ей не дано из-за безмерно холодного своего нрава. Не зря говорится: всякий крестится, да не всякий молится. И поэтому мне их очень жаль! Ведь каждую душу Бог к смирению ведет и ни к чему другому... Это все при-сказка, а сказка теперь начинается.

Много лет тому назад пришла в один монастырь молоденькая девушка — хромоножка. Такая уж уродилась. А послушаний в монастыре — уйма, сами знаете. К вечеру, бывает, руки и ноги отваливаются. Хромоножка-послушница бегала, трудилась вместе

с сестрами, но не всегда успевала. Начали они ее называть нерасторопной, ленивой, неумехой. Заметили, что собирала со столов в трапезной объедки для голубей, объявили: воровка. Отнесла нищему тарелку супа из кухни, пальцем указывают: чревоугодница. Очень горевала Хромоножка. Ей, калеке, было в два раза горше, чем здоровому человеку.

Так и жила послушница — где хорошо, а где худо. Вскоре назначили ее звонарем. Лестница на колокольню железная, крутая. Осенью поднималась, оступилась. Ударилась коленкой о железную ступеньку. Больно, сил нет! Слезы сами из глаз брызнули. Коленку, из-за которой девушка хромала, схватила такая боль — не то что инвалиду, но и здоровому дурно станет. А ей снизу кричат старшие сестры:

— Соня, ты что, заснула? Давно звонить пора, лентяйка! Поторапливайся!

Отзвонилась Хромоножка, спустилась кое-как с колокольни, доковыляла до кельи и села писать письмо матери, обливаясь слезами.

«Мамочка моя родная, спаси тебя Христос, что ты благословила меня спастись в святой обители! Все сестры тоже мне как родные. Они называют меня уважительно: «умелая», «расторопная», «трудолюбивая»! Спаси их всех, Господи! А за то, что кормлю монастырских голубей, шутят ласково: «кормилица голубиная». Бывает, нищим, что у ворот сидят на морозе, отнесу чего-нибудь горяченького, улыбаются: «печальница наша!». Сижу сейчас в келье и плачу от радости — как хорошо в душе и благодатно! Целую тебя, мамочка дорогая, и всем кланяюсь: папе, сестричкам и братикам!»

Мы узнали все о жизни этой послушницы, когда она монахиней-старицей стала и рассказала нам эту историю. И спор у нас между сестрами вышел: интересно все-таки, на чьей стороне правда-то Божия? На той, где все было как оно есть, или на той, как описала в письме Хромоножка? У Бога ведь все по-чудному, не как у людей...

Рождественское искушение

Говорят, на Рождественский пост больше всего искушений случается. В нашей обители тоже случилось одно такое искушение. Хотя никто не был наказан и виновного быстро нашли, но все монахини и сама игумения переволновались изрядно. Недаром сказано: «Богу молись, а сам шевелись». Сейчас расскажу по порядку.

Приехал к нам под Рождество электрик проверить освещение. Ходил по коридорам, осматривал проводку, а потом исчез. Приметный такой и с усами. Куда делся, никто из сестер не видел. И не выходил через проходную. А время к ночи. Мы все кинулись его искать и страшно перепугались. Тревога поднялась большая.

Прошел слух, что электрик сидит в прачечной и почему-то в бельевом шкафу. Сестры вооружились швабрами, столпились у двери прачечной и грозно кричат:

— Электрик, выходи!

А тот чего-то там возится и не выходит. Доложили игумении. Та прибежала встревоженная. Сестры предложили:

— Матушка, может, благословите полицию вызывать?

— Ах, что вы, что вы! Такой скандал выйдет, не знаю, что придумать! — даже руками замахала.

Старенькая схимница мудрый совет дала:

— Молитесь крепко, сестрички! Никак, это сам лукавый под видом электрика проник в нашу обитель. Надо бельевого шкафа святой водой окропить!

Побежали послушницы, принесли святую воду. Кропили, кропили — нет, не выходит электрик.

— Сестры, постойте. — На нашу настоятельницу словно прозрение снизошло. — Нужно владыке позвонить! Пусть прилетит охранника.

Приехал охранник, грузный мужчина с громким басом. И громогласно своим басом командует:

— Ну-ка, электрик, выходи, а то полицию вызовем!

Тот как будто затаился в шкафу. А схимница шепчет:

— Ох, осторожней, осторожней! Помилуй нас, Господи!

И крестит старенькой рукой дверцы шкафа. Видя, что одного голоса мало, бравый охранник распахнул дверцы, а оттуда вышел «электрик» — толстый, важный, с огромными усами. Молча прошел мимо остолбеневших сестер, игумении и охранника и скрылся в коридоре — наш кот монастырский.

Некоторые сестры не удержались, прыснули в кулак. Но игумения строго их осаждала:

— Давайте, сестры, по кельям! Молитесь!

Все разошлись тихонько, обсуждая искушение: куда же делся электрик? Должно быть, вышел еще

днем через проходную, никто не заметил. А кота в суматохе в бельевом шкафу закрыли. Однако схимница осталась при своем мнении:

— Этот «электрик» в кота обратился! Он наших молитв не выдержал!

Так мы до сих пор и не знаем, что за искушение в обители приключилось? Потом только вспомнили, что нужно было пройти по этажам с крестом и святой иконою, а не бегать по всем углам со швабрами. Или молебен отслужить от всех напастей — только батюшка у нас несговорчивый, ни за что не приедет, если не его черед. Тем не менее можно было и его попросить послужить. Вообще-то он хороший! Как-то с ним чудесная история приключилась, тоже под Рождество. Ехал он по Москве, а морозы стояли крепкие. Водитель за рулем сидел — неплохой парнишка, но неверующий. Машина прямо на главной улице стала глохнуть. Батюшка ее перекрестит — она дальше едет. В тепле наш батюшка задремал, а машина остановилась. Сзади сигналият. Водитель туда-сюда, даже взмок весь, а их автомобиль ни с места. Тогда паренек дергает священника за рукав и просит:

— Отче, не спите! Перекрестите машину, чтобы дальше ехала!

Батюшка перекрестил ее, так и добрались до монастыря. А парнишка тот потом начал в церковь ходить.

Ох, простите меня, старую, заболталась я. Ведь это совсем другая история. Ну да ладно, у меня еще есть для вас кое-что, вы только слушайте.

Древняя сказка

Давным-давно, не у нас, а в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, открыли монастырь. И, как водится, начались искушения: без спички, как известно, и дрова не горят. Сверху, от высокого начальства, спустили указ, как спастись в монастыре монахам, расписали все до мелочей. Прошло некоторое время. Снизу, от канцелярских тугодумов, отправили сигнал, что в монастыре объявились недовольные монастырскими порядками, мол, прежние правила сил не хватало исполнить, а новые — и подавно!

Наверху возмутились: что за сумасбродство? Чего им не хватает? Ведь учли каждую мелочь, каждый шаг расписали, и все им не так! И спустили циркуляр: «Которые пришли в монастырь, пусть терпят!» Это распоряжение вывесили на главных воротах монастыря. У ворот сидел нищий юродивый, он и сказал:

— Это означает, что пусть терпеливо возьят на себе тех, кто сидит сверху!

Его тут же прогнали, и поделом: не лезь не в свое дело!

Хотя юродивый уверял всех, что его не так поняли. Дескать, он имел в виду, что у всякого человека на шее сидит нечистый, и даже кому-то из монахов это показывал, но ему никто не поверил. А жаль...

Конечно, всякий, кто услышит эту забавную историю, непременно воскликнет с искренним удовлетворением:

— Хорошо, что у нас нет таких языкатых нищих, которые болтают что ни попадя, пусть держат язык на замке!

А нам остается только добавить, что в таких тридцатых государствах всегда происходило то, что нам даже представить трудно: в душе все против, а на людях — за! Да и времена с тех пор стали совсем другие: узнай те люди, как мы теперь, можно сказать, отлично живем, — вот бы удивились! Одного не могу пока понять: отчего в древности было столько святых, а куда же нынешние подевались?

Две монахини

Поступили некогда в одну из женских обителей две родные сестры. Со временем стали хорошими монахинями. Одна из них сильно желала попасть в скит, на молитвенную жизнь. Другой больше всего понравилось в монастыре. Тем не менее игуменья поступила по-своему: первую оставила в стенах обители, а вторую отправила в скит. Погоревали сестры о своей участи, но делать нечего, нужно смиряться.

Пожили сестры каждая на своем послушании, набрались уму-разуму, приехали в гости друг к дружке. Монастырской монахине в скиту совсем не приглянулось:

— Ой, как у вас уныло, сидите вы, как эгоисты, в одиночку по кельям и только молитесь. А у нас дружно и весело, каждый вечер сообща чай пьем и беседуем на духовные темы. Вот где любовь монашеская да согласие! Почему я раньше так мечтала в скит попасть?

А монахиня из скита пригорюнилась в монастыре:

— Ой, как шумно у вас и как суетно! И столько разговоров, даже голова пухнет. Нет, свою келью в скиту ни на что не променяю! Странно, что раньше в монастыре мне так все нравилось...

А мы услышали эту историю и призадумались: нет, что ни говорите, а монашескую жизнь никому не понять! Сама-то я из монастырских, а теперь сижу в уединенной келейке своей и даже за порог выходить не хочется. Такое только старцы умудренные могут объяснить, да где их нынче взять-то?

Турецкая келья

В одной стране, возможно, даже в Турции, некий высокопоставленный набожный чиновник, устав от многолюдного общения, по совету батюшки задумал построить себе уединенную келью для молитвенных занятий. Получилась почему-то небольшая гостиница для приема важных особ.

«Нет, нужно добавить побольше аскетики!» — решил чиновник. Перестроил свою келью. Смотрит: теперь вышла комфортная гостиница, да еще с бассейном.

«Снова не то!» — огорчился любитель уединения. Строил, строил, наконец закончил строительство. Созвал близких друзей, глядят: стоит огромный роскошный отель на берегу моря и в придачу — большой бассейн с подогретой водой.

— Ну что же, придется смириться, — сказал друзьям смиренный чиновник. — Буду жить в таком уединении, не ломать же опять?

А батюшка приехал и развел руками: «Какая-то турецкая келья у тебя получилась...».

Забегая несколько вперед, скажем, что в Турции совсем по-другому понимают духовную жизнь. А разные сомневающиеся, кто вздумают отыскать в этом какую-то аналогию, сильно ошибутся. То Турция, а то мы — две большие разницы, как говорят в Одессе! У них всегда так: дурак и большой начальник что хотят, то и воротят...

Золушка-келейница

То ли в Германии, то ли во Франции жила-была Золушка и прислуживала знатному вельможе. Стирала, убирала, гладила, шила, готовила. В общем, без дела не сидела. Два раза в год, на Рождество и на Пасху, вельможа ездил на праздничные службы в город. Однажды Золушка набралась смелости и попросила хозяина взять и ее в город на службу.

— Что же, взять-то тебя можно, только ты сначала все ковры пропылесось, посуду перемой, столовое серебро перебери, полы протри, светильники почисти, во дворе прибери, праздничный обед приготовь. Вот тогда, конечно, можешь поехать на службу! — сказал добрый вельможа.

И уехал. Погоревала келейница, принялась, глотая слезы, за работу, которую не то что до службы — за три дня не закончить. Однако преподобный Сергей, которого Золушка очень почитала, пришел ей на помощь. В четыре руки все скоренько сделали. Преподобный благословил ее и еще дал денег на электричку:

— Поезжай, поезжай на службу, доченька, помолись! Для хороших людей у Бога хорошего много...

Увидел ее вельможа на праздничной службе и строго спросил:

— Как ты посмела бросить послушание и явиться на праздник?

— А мне Преподобный помог! — ответила келейница.

— Хватит сказки рассказывать! — внушительно сказал вельможа. — Должно быть, мало я тебе послушаний оставил. Каюсь, это мое упущение, из-за доброты моей, что ты такая непослушная. Слушай же мой наказ: исправляйся немедленно! А если справишься, так и быть, получишь от меня в подарок новую метлу и фартук к Пасхе...

Нам тоже одни добрые люди посоветовали: хватит, мол, вспоминать о Германии да о Франции, заграничные сказки слушать. Лучше рассказывали бы свои! И то верно — от чужих сказок счастья у нас не прибавится....

Ходжа Насреддин из Бухары

Случайно вспомнилась, простите меня, не наша, а одна восточная сказка. Все-таки недалеко от нас эта история приключилась. Так мы, убогие, слышали: приехал новый визирь в славный город Бухару и собрал всех советников и старейшин, чтобы выяснить наперед, как править жителями — по-старому или по-новому?

— По-старому, о превосходный в мудрости! — посоветовали ему услужливые придворные. — Народ

всегда давить, давить надо! Это ему на пользу, чтобы не разбаловался!

Приехавшему понравился такой совет. Только Ходжа Насреддин замотал бородой. Визирь заметил это, подозвал его:

— А ты что скажешь, Ходжа? Ты против этого решения?

— Скажу одно, о мудрейший! Нужно править не по-старому и не по-новому. Мое слово таково: следует сразу придавить народ со всевозможной строгостью, но лишь до поры, чтобы потом ваше правление по всему миру прославилось добротой!

— До какой же поры, Ходжа? — наострил уши визирь.

— До той поры, пока в Бухаре не останетесь только вы, о превосходнейший из людей, а вот тогда уже можно начать править по-новому!

В свое время нам приходилось бывать в Бухаре и подобной истории в книгах отыскать не удалось. Услышали мы ее в чайхане, а в восточных чайханах — все знают: мало ли что могут люди болтать! Как говорится, Восток — дело тонкое. Старого осла по-молодому кричать не научишь...

Послушник — Мальчик-с-пальчик

Послушайте еще одну немецкую сказку, и на этом с немцами закончим. В той же самой старинной Германии взяли в монастырь послушником Мальчика-с-пальчик. Расторопный и покладистый, он всюду успевал. Как говорится, на ходу подметки рвал. Со

всех концов монастыря слышалось: «Мальчик-с-пальчик, сюда! Мальчик-с-пальчик, туда!». Как ни скор был новый помощник, но с годами столько забот навалилось, что уже не успевал всюду сметливый ученик. Наконец кто-то из старших монахов предложил:

— Давайте выделим со склада нашему послушнику сапоги-скороходы. Вот тогда он все монастырские дела сможет переделать!

Выдали хваленому послушнику сапоги-скороходы, а он надел их да и пропал. Унесли эти сапоги Мальчика-с-пальчик за далекие леса, за синие горы, и это несмотря на то, что ему старшие обещали и важные награды, и быстрое повышение.

— Эх, не стоило этому юнцу давать сапоги-скороходы! — приуныли старшие. — Кто же теперь за нас все работы будет делать?

Такую бы обувь да нашим чинушам, чтобы сами бегали на послушаниях! Только крепкие замки на эти сапоги надо будет поставить, чтобы чиновники далеко не разбежались. У немцев, кстати, насчет этого средства можно все подробно разузнать, как от подобных случаев застраховаться. Тогда непременно дела у нас пойдут на лад, вот увидите!

Гуси-лебеди

Хоть и стара я, но замечаю, что паломничество сейчас — прямо повальное увлечение. Этим летом и к нам пожаловали паломники. Вы, конечно, знаете, что под окошком моей кельи разбит маленький садик со

скамейками. Там присели отдохнуть и побеседовать приехавшие гости. Даже мне, глухой, хочешь не хочешь, а в окно все разговоры слышно.

Кто-то из этой компании Рим посетил, кто-то Бари и Корфу, а кто Иерусалим и Египет. И спорят, в какую страну еще интересней податься и кто из них больше других побывал и увидел. В это время наша пожилая монахиня Евдокия проходила по дорожке через садик и спросила у паломников:

— Кто будете, гости дорогие?

— Православные туристы! — ответили те с большой важностью.

— А разве такой туризм бывает? — остановилась монахиня, услышав такой ответ.

— Бывает, конечно, бывает! Это сейчас очень модное направление. Мы, как пчелки, везде понемногу благодать собираем!

— А если на одном святом месте пожить подольше да помолиться, то и благодати, возможно, будет побольше? — спросила монахиня.

— Вполне возможно, — отвечают те, — только впечатлений от этого маловато!

— Эх вы, гуси-лебеди! Лес прошли, а дров не нашли... Тогда это, простите меня, не православный туризм, а полный дуризм получается! Такими впечатлениями да развлечениями благодать не получишь... — за словом в карман Евдокия не лезла, умела подобрать острое словцо.

По-моему, ее замечание очень верное, разве нет? При переездах всю благодать теряешь, а на святом месте ее собираешь. Так наш батюшка говорил, когда еще жив был, Царство ему Небесное! С ним я полностью согласна.

Румынские достижения

Всем известно, что японцы — умная нация. И румыны тоже... в Румынии живут. Про японские достижения мы знаем, а про румынские почему-то везде молчок. У этих румын удивительный случай вышел в одном монастыре, где жили всего трое стареньких монахов в мире и согласии. Недаром о таких люди говорят: тем, кто живут дружно, лекаря не нужно! Приехал к ним проверяющий и заявил:

— Дайте отчет о своих духовных достижениях!

Те почесали в затылках:

— Какие у нас достижения? Не понимаем, в чем отчитываться?

— Как это не понимаете? Интернет не читаете? — сурово спросил проверяющий. — Во всем, что вы делаете, в том и отчитывайтесь. Затылки сейчас чесали? Так и пишите: почему чесали, для чего чесали? И фотоотчет прикрепите обязательно. А чтобы понятнее было, вот вам разъяснение. За вечерню и утреню — отчет по форме номер один. За поклоны — отчет по форме номер два...

— А если помирать будем? — робко спросили старички.

— Если помирать будете, представьте полный отчет по форме номер три...

— Так что же получается? — опять почесали затылки монахи. — И жить без формы нельзя, и помереть без нее невозможно!

Взяли тогда они свои котомочки и пошли пешком по синему морю на далекие острова. А проверяющий так и остался стоять на берегу в изумлении. Потом, правда, написал отчет по форме номер три.

От себя добавлю, что нет ничего грустнее, когда сказано одно, а понимают совсем другое. И не нужно, как заговорщики, улыбаться и подмигивать друг другу, мол, сами знаем, что к чему. Если говорят «Румыния», значит «Румыния». А за тех, кто думает иное, я, простите меня, старуху, не отвечаю: мало ли что будут говорить. Недавно, не знаю зачем, повезли меня на одну православную конференцию, посадили в первом ряду, должно быть, для представительства. Выступал какой-то мэр города. И обращается с трибуны: «Господа!». А все смеются. Он поправился: «Товарищи!». А все улыбаются. А сказать «Братья и сестры!» почему-то не решился. Поэтому взяла себе за правило: как понимаю, так и говорю, чтобы меня тоже понимали правильно. Вот как сейчас.

Шерлок Холмс из Витебска

Под самое Введение приехал к нам паренек из Витебска помолиться. В очках, худенький, смирный, но любопытный, ко всему присматривается. Похоже, из тех, что себе на уме. Монастырек наш небольшой, а гостей всего-то шестеро: двое из Москвы — бизнесмен, уже в годах, другой помоложе, представился программистом; трое из Петербурга — муж с женой и дочкой; и тот паренек из Витебска, пономарь городского собора. Мы его почему-то Шерлоком Холмсом прозвали между собой, уж очень похож.

После всенощного бдения игуменья созвала сестер к себе в кабинет и жутким шепотом сообщила, что у нее в этом самом кабинете украли наградной

игуменский крест с украшениями. Она его редко надевала, только когда владыка к нам навевывался. Сестры тут же переполошились: откуда вор взялся в обители? Гости не заходят в сестринский корпус, сидят в своих комнатах. Никогда у нас воровства не бывало, а тут такое под самый праздник!

Игуменья сильно расстроилась:

— Мне, — говорит, — не столько наградного креста жалко, как ту монахиню, которая покусилась на монастырское добро!

Старшие монахини упали ей в ноги:

— Матушка игуменья, общите всех нас, если на то воля Божия! Уверяем, что среди сестер воровки не найдете!

Задумалась настоятельница:

— Что делать будем?

Ей говорят:

— Пономарь один из Витебска помолиться приехал. Мы его Шерлоком Холмсом прозвали. Не поможет ли он разобраться в этой загадке?

А я туда же, старая, влезла и предложила всем читать «Верую», чтобы пропажа нашлась. Матушка тут же, не мешкая, приказала:

— Ты, Порфирия, тогда читай Символ веры, а мы с Шерлоком Холмсом сейчас потолкуем.

Позвали нашего паренька.

— Ну, этот случай не особо хитрый! Объявите всем паломникам, что сейчас полиция с обыском придет, а вы будто сестер намерены обыскивать. А с гостями предварительно поговорите здесь, в кабинете, не отлучался ли кто во время всенощной? — обнадежил настоятельница находчивый детектив.

В общем, поднялся переполох. Бизнесмен из Москвы сказал, что у него сердце прихватило, уходил во время всеобщей в свою комнату отдохнуть. Программист сказал, что сопровождал больного. Мужчина из Петербурга ходил к себе в комнату за лекарствами для жены. Дочка с матерью оставались в храме, также пономарь из Витебска. Так что и думать не на кого. А Шерлок Холмс шепнул матушке:

— А теперь оставьте меня в кабинете одного, за шторой, скоро все закончится.

Игуменья для вида затеяла обыск у сестер, а гости стали ожидать полицию. Пока этот «обыск» шел, я все это время «Верую» читала. Тут из кабинета шум раздался: Шерлок Холмс задержал «программиста»: он тайком пытался вернуть наградной крест на место. Обычный монастырский воришка. Выяснилось, что когда он бизнесмена отвел в комнату, то сам «на минуточку» вышел и пробрался в монастырский корпус. Кабинет игуменьи он еще раньше «вычислил».

Игуменья с любопытством спрашивает Шерлока Холмса:

— Как ты догадался, что «программист» — воришка?

— Очень просто! — ответил детектив. — В день нашего приезда из ворот выехал владыка, и мы подошли прямо к вам под благословение. А «программист» искоса на ваш крест с украшениями поглядывал и дурной огонек в глазах мелькал — видать, приценивался. Остальное, как говорится, дело техники...

Матушка обернулась ко мне:

— Что скажешь, Порфирия? Каков детектив, а?

— Детектив-то он хороший, — говорю. — А Символ веры еще лучше! Его я раз пятьдесят успела прочитать. Святые отцы не зря «Верую» при пропаже благословляли читать. За это время вора как раз и поймали, матушка!

Не хочется под конец рассказа саму себя на посмеище выставлять, а поведаю вам другую короткую историю. Когда матушка игуменья еще простой богомолицей в одной известной обители была, то приняли там послушником одного старательного хлопца. Приглянулся он честным выражением лица ризничному, и тот взял его к себе помощником. Несколько месяцев «послушник» приглядывался к решетке на окне ризничной комнаты, ночью перепилил прутья, набрал чего хотел и скрылся. Потом уже в другом городе его поймали, с тем же «честным» выражением лица. В таких случаях Символ веры, конечно, не поможет. Тут уже молебен надо служить святителю Николаю и, желательно, с акафистом. Святитель обязательно выручит, уверяю вас.

Горе от ума

В незапамятные времена нашли пастухи в поле котомку с книгой. Поглядели в книгу, ничего не поняли. Отнесли ее в монастырь. Прочитали книгу послушники, взялись за поклоны. Изучили ее иеромонахи, принялись за молитву. Перелистал ее настоятель монастыря, грозно сдвинул брови. Заглянул в нее владыка, ударил кулаком по столу. А дальше книга пропала. Возможно, не туда ее передали.

А нам стало интересно: попади эта старинная штука в наши руки, что бы мы с ней сделали? Ведь всем доподлинно известно, что о таких вещах у старцев надо спрашивать. Одно только худо, что старцы почему-то совсем перевелись. А мы как те пастухи-несмышлениши: если что и читаем, ничего не понимаем — о чем вообще речь?

По этому поводу припоминаю один случай. Притащили мыши в деревенский дом бумагу, старую, желтую, местами уже порванную. Отгрызли мыши у нее один угол да и бросили. Подняли этот лист дети — какие-то каракули на бумаге, как будто мышиное письмо. Прибежали к родителям:

— Папа, мама, мы нашли «мышинное письмо»!

Стали родители разбирать письмо, а буквы на нем полустертые, непонятные:

— Очень старинная надпись, не можем разобрать...

Отнесли письмо к брату, инженеру из города. Тот долго приглядывался:

— Тут что-то загадочное написано! И угол оторван. Ничего не пойму. Это только мой знакомый профессор сможет понять...

Через несколько лет профессор прислал ответ: так, мол, и так, произведенные исследования текста показали, что в нем говорится о хозяйственных делах начала прошлого века. Надпись выполнена скорописью, состоит из шести слов: «Иван рубил дрова, Варвара топила печь». В этой рукописи отражены трудные условия жизни того времени («Иван рубил дрова») и нелегкие жизненные обстоятельства старинной семьи («Варвара топила печь»), из чего установлено, что

запись является жалобой на безысходное положение крестьянства начала XX века. Вполне вероятны заимствования из финно-угорских сказок.

Случайно попала эта бумага сельскому батюшке. Прочитал он «мышинное письмо» и сказал:

— Это просто старое правило для запоминания падежей! Посмотрите на начальные буквы каждого слова и получите падежи...

А мы услышали эту историю и удивились: вот уж, точно, — горе от ума! Как и история с котомкой. Тут и сказать нечего, кроме пословицы: дорога́ не наука и учение, а простое разумение...

Чешские стулья

Хорошо, что вещи не говорят, а то пришлось бы очень много чего услышать. У нас постепенно скрипучая мебель перевелась, а в Чехии, говорят, еще сохранилась. Поэтому там продолжают происходить удивительные истории, подобные той, что вы сейчас услышите.

В приемной одного успешного чешского владыки стояли старинные скрипучие стулья. Давно их хотели сменить, но все как-то руки не доходили. Однажды зашел в приемную старенький батюшка, имевший чуткий, пронизательный слух. Уселся он на стул и слышит, как тот под ним заскрипел: «Тише, стулья, этот человек может услышать, о чем мы говорим...».

В приемную вошел быстрой походкой секретарь: — Благословите, отче! — и уселся на свой стул, а тот заскрипел: «Да его быстро спровадят, не велика птица!».

— Чем можем вам послужить? — спрашивает секретарь, весь превратившись в учтивость и уважение, а стул секретаря скрипнул: «Сплошное лицемерие!».

— Прошу доложить владыке мою просьбу, чтобы меня, старика, оставили на моем приходе! Тридцать лет отслужил верой и правдой и надеюсь, что под старость меня с семьей не переведут на дальний приход...

Его стул проскрипел: «Ну, как же! Еще как переведут...».

— Владыка сейчас в отъезде. Напишите прошение, мы его рассмотрим и сообщим вам, — отвечает секретарь. А из-под него тихо скрипнул стул: «Положит бумагу в стол и забудет о ней».

— Хорошо, буду на вас надеяться... — Батюшка взял бумагу и принялся писать прошение, а стул его поскрипывал: «Надейся, надейся, только не на людей...».

— Конечно, мы обязательно рассмотрим ваше прошение, но только в свою очередь! Ждите, когда мы вас вызовем... — заверил старичка-священника секретарь, скрипя стулом, из которого послышалось: «А сам уже на его место своего молодого дружка определил!».

Пока священник писал прошение, в приемную вошел местный богач с просьбой освятить его частный самолет.

— А, Семен Семенович, рады, очень рады вас видеть, присаживайтесь! Вашу просьбу исполним немедленно и без всякого вознаграждения! Ведь владыка с вами давно знаком!

Стул под ним застонал: «Какое подхалимство!».

— Спасибо, спасибо, весьма вам благодарен, — богач грузно опустился на стул. — Прошу еще решить вопрос с третьим моим браком...

А стул под ним пискнул: «Ну, теперь плакали его денежки!».

— Все сделаем, Семен Семенович, в самые быстрые сроки! У нас тоже есть небольшая проблемка: ремонт покоев владыки затягивается. Недостаток средств, знаете ли...

Стул секретаря издал глубокий скрип: «А сам думает, как бы и ему что-нибудь перепало...».

Старичок, не закончив писать прошение, сунул его в карман и стал прощаться.

— Куда же вы уходите, отче? А ваше прошение? — Стул под секретарем заходил ходуном: «Быстро он от своего посетителя отделался...».

— В другой раз, знаете, напишу. В другой раз... — и поднялся со стула. Тот простонал: «Первый раз такого вижу...».

Трудно теперь стало сказки рассказывать, и все потому, что им мало стали верить. Давай всем выкладывай точно и определенно: где происходило, в каком городе, адреса, фамилии. А я почему знаю? Ведь это же сказка! Раньше было просто: Иванушка-дурочок, Змей Горыныч, Василиса Прекрасная, Баба-яга. А нынче глянут ответственные люди: где подпись? Волей-неволей приходится подписывать как есть — грешная монахиня Порфирия.

Палочка-выручалочка

Что вы меня все теребите, милые мои: «Матушка, а матушка, расскажите да расскажите историю»? Ведь важно не то, чтобы было много разных историй, а то, чтобы они были к месту: хорошо на Пасху красное яйцо, а в беседе — мудрое словцо! Ладно уж, слушайте.

Купила одна старушка в церковной лавке православную палочку, чтобы с ней в храм ходить. Почему, спрашиваете, православную? Потому что наверху палочки был вырезан крестик. А любой пожилой женщине ходить тяжело. На улице всяко бывает: то резкий ветер, то ледяной град, а с палочкой нашей старушке все это нипочем. Теперь ей стало гораздо сподручней, не то что раньше, когда она в крайней усталости плелась обычно из церкви в свою одинокую квартиру. Конечно, с палочкой вид у нее был не очень современный, но старушка с этим спокойно мирилась. Назвала ее «палочка-выручалочка».

Ходила так наша владелица чудесной трости со своей деревянной помощницей и очень была рада такой покупке. Но оказалось, что эта «палочка-выручалочка» не простая. Однажды старушка случайно крепко стукнула палочкой о землю — и появилась денежка. Стукнула еще раз — еще денежка, в третий — тоже денежка. «Постойте-ка, нужно остановиться... — сказала себе хозяйка чудесного посоха. — Не следует жадностью гневить Господа! Пусть одна денежка будет мне прибавкой к пенсии — и слава Богу, больше мне ни к чему. Другой денежкой подругам помочь можно, а третью денежку в свечной

ящик в церкви пожертвовать хорошо, пусть помолются батюшки!»

Прознали про эту старушку с палочкой нехорошие люди и выкрали ее помощницу. Пришли к себе домой, стучали, стучали палочкой — нет денег, хоть разбейся! Осерчали вконец. Подкараулили старушку, ввалились силой в ее каморку и требуют:

— Давай, старуха, стучи своей клюкой! Нам деньги позарез нужны! Если будешь упрямиться, тебе несдобровать...

— А мне денежек не жалко, добрые люди! — ответила старая женщина. — Упрямиться не буду, со всем великодушием к вам стукну палочкой об пол!

Стукнула один только раз, а палочка-выручалочка как начала незваных гостей охаживать по спинам да по бокам! Начали они умолять, криком кричать:

— Стой, бабка, угомонись! Мы сами уберемся отсюда, пока целы!

— Вот и убирайтесь подобру-поздорову, пока палочка не обломала вам бока! — сказала старушка.

После этого случая задумалась она крепко: «Отнесу лучше необыкновенную палочку-выручалочку в нашу церковь, чтобы ею батюшки пользовались, людям помогали!». В церкви священники осмотрели посох, ничего в нем особенного не нашли. На всякий случай окропили его святой водой и отдали владельцу:

— Ну-ка, бабушка, стукни теперь этой палкой об пол, посмотрим, будет ли чего, как ты нам говорила?

Стукнула старушка ей об пол — ничего. Стукнула еще раз — опять ничего. А батюшки ей говорят:

— Иди, бабка, домой! Нам такая палочка ни к чему!

— Вот и слава Богу, и на том спасибо! Снова у меня обыкновенная палочка. Пойду-ка теперь спокойненько домой... — ответила старушка и поковыляла домой.

Прошла мимо больницы, постукивая палочкой, и подходит к своему дому, а дом совсем не узнать: красивый, нарядный, как будто только что ему ремонт сделали! И толпа народа стоит, удивляется:

— Откуда здесь такой красивый дом появился под тем же номером? А был такой старый и запущенный...

Старушка тоже поудивлялась и поднялась затем в свою квартиру. Пока поднималась по лестнице на второй этаж, стук да стук палочкой по ступенькам. В квартире своей, светлой и высокой, всплеснула руками: откуда что взялось? Смотрит вокруг в недоумении, а соседка кричит в дверь:

— Слышала новости, подруга? По телевизору только что передали, что сегодня в нашей районной больнице произошло массовое исцеление больных! Врачи не могут объяснить это происшествие...

Еще раз удивилась старушка таким необыкновенным делам и легла отдыхать. А палочку в угол поставила, до следующего дня.

Скажите, что это невероятный случай, что, мол, такое не случается? Почему же, конечно, иногда случается! Только часто ли такая палочка-выручалочка кому-нибудь в руки дается? Не часто. Разве ребенку иной раз, или вот такой старушке, как наша бабушка. Почему? Потому что нет у них никакой жадности.

В жадные руки палочка-выручалочка никогда не приходит. А те люди, на ком земля держится, зачастую даже не знают об этом. Вот как наша старушка...

Переполох

Помните, сестры, историю про одного городского уличного шатуна и то, что стало с его лицом? Не помните? Тогда слушайте.

Городской уличный шатун забрел в церковь, чтобы с высоты своего роста, а более всего — с высоты своей гордости осудить раболепие верующих, да заодно посмеяться. Войдя в храм, он самодовольно дал волю своим прихотям: начал зубоскалить мысленно о верующих и о священниках, что доставляло ему большое удовольствие. С высокомерным видом поглядывая по сторонам, шатун издевательским взглядом провожал каждое лицо в храме, пока не подошла к нему простая уборщица и испугано спросила:

— Молодой человек, что у вас с лицом?

— В чем дело? — высокомерно покосился он.

— Да вы гляньте-ка на себя в зеркало! — посоветовала ему старая женщина. — Сами на себя не похожи...

Молодой человек кинулся домой и поглядел в зеркало. Он прямо-таки ахнул, увидев в нем чужое отражение. Лицо было серым, близко посаженные глаза косили, рот повело в сторону, волосы стояли дыбом, как у ежа. Это отражение буквально резало глаза. Недовольство охватило гордеца:

— Наколдовали все-таки в церкви! Был человек как человек, а теперь стал урод уродом. Это просто какой-то кошмар! — С сильным раздражением он в сердцах стукнул кулаком по зеркалу. В его душе начался переполох.

Когда он летел по улице, то недоброжелательно косился по сторонам, ему казалось, что все прохожие смеются над его лицом. Ему слышались вокруг ехидные перешептывания и злорадные подколки. В церкви шатун с нетерпением дождался батюшку. Тот был внушителен и серьезен. Высокомерие гордеца теперь исчезло, словно пыль, которую смел ветер.

— Батюшка, меня в церкви заколдовали, помогите! — заискивающе гордец забегал глазами по лицу священника, ища участия. Священник строго ответил:

— У нас в храме колдунов нет! Вы, молодой человек, обратились не по адресу!

Шатун вышел в притвор храма. Горестные мысли металась в его голове. Молодой человек впал в уныние, от которого защемило сердце. Встрепенувшись, он подбежал к уборщице, которая выходила из храма, и попросил у нее помощи. Выслушав его с большим участием, пожилая женщина посоветовала:

— А вы, молодой человек, подойдите к батюшке по-другому: попросите у него прощения за то, что осуждали верующих в храме и самого батюшку! Тогда он вам обязательно поможет...

Шатун вернулся в храм и опять подошел к священнику:

— Отче, простите меня за то, что я осуждал людей в церкви и вас тоже!

— Господь тебя простит, сынок! Иди с Богом! — великодушно ответил священник.

— А как же мое лицо? — с испугом спросил гордец.

— Теперь оно у тебя встало на свое место! — слегка улыбнувшись, сказал батюшка. — Маруся, дай зеркало молодому человеку! — распорядился он.

Гордец суетливо метнулся к уборщице, отбросив всю свою гордость, и, замерев, уставился в поднесенное ему зеркальце, словно деревянная лошадка на стену. В зеркале сияло молодое счастливое лицо. Недовольство и угрюмость шатуна мигом исчезли. Дивясь происшедшему, он радостно вздохнул всем сердцем. Оно прыгало от счастья. А старенькая уборщица сказала ему:

— Видишь, милый мой, как бывает: о другом посудачишь — потом о себе поплачешь. Это тебе наука...

Молодой человек вышел из церкви на улицу. Накрапывал мелкий дождь. Весело попрощавшись со священником и Марусей, он шагал по тротуару. Деревья сплошными куполами, словно зеленым зонтиком, защищали его от капель. Прохожие приветливо улыбались ему. Некоторые оборачивались ему вслед:

— Счастливый молодой человек!

А молодой человек, широко шагая, думал:

— Надо будет начать ходить в церковь. Нечего теперь жить уродом... Как это я раньше не догадался?

Охотник и колдун

В одну дождливую ночь... Нет, не то. Начну просто: проживал некогда в горах отважный и умелый охотник, любящий Бога. С большой ловкостью пробирался он по пропастям и обрывам, всегда принося в семью пропитание. И произошел с ним однажды невероятный случай. Как-то раз в одну дождливую ночь его собака под большим буком разрыла землю, а там обнаружился ход. Спустился в него охотник и двинулся по этому ходу, посвечивая себе фонариком и смутно ощущая опасность.

Дальше сделалось светлее, и в большом гроте он увидел колдуна, который стоял посреди горящих факелов и бубнил заклинания. Махнул колдун левой рукой — посыпались серебряные слитки, махнул правой — землю устлали золотые слитки, дымясь и ослепительно сверкая. Охотник было двинулся прямохонько к ним, чтобы рассмотреть получше, не веря своим глазам, но колдун остановил его со злобой:

— Фу, фу, человеческим духом потянуло! Уходи туда, откуда пришел, эти богатства не для тебя! Они предназначены для того, кто поклонится мне и станет служить моим сокровищам. Если согласишься, все богатства твои!

Охотник был не из тех, кто льстиво подлаживался под чужое настроение, и решительно ответил:

— Бог заповедал людям ближних любить, а не золото и серебро! Не буду кланяться тебе! У меня дома есть сокровища более ценные, колдун, чем у тебя, — жена и дети, а ты предлагаешь одни куски железа...

— Как бы ты не пожалел о сказанном! — проворчал колдун. — Отправляйся домой и посмотри-ка, где твои близкие?

Захохотал ворожей и исчез со своими богатствами.

Поспешно вернулся охотник домой, а там хоть шаром покати — ни жены, ни детей. Кинулся по людям спрашивать, никто ничего не знает. Сердце его заныло от скорби. Один древний старичок, узнав его историю, посоветовал:

— Колдуна ничем не возьмешь, а вот святыни он боится. Это он заколдовал твою семью. Заряди патроны солью четверговой и пальни в колдуна с обоих стволов! Он тогда вернет тебе жену и детишек...

Охотник, зарядив как следует ружье освященной солью, прибежал к подземному ходу. А возле него три березки выросли за ночь и стоят, обнявшись, словно родные. А собака его лает на них и хвостом машет. Опешил парень: что за диво? Однако спустился скорехонько в пещеру и громко крикнул:

— Эй, колдун, появись-ка!

Тот мгновенно явился перед ним со всем своим золотом и серебром:

— Что, человек, без меня и богатства моего не можешь обойтись?

— А ты посмотри, как я с тобой обойдусь! — охотник смело вскинул ружье и пальнул в колдуна из обоих стволов. Колдун тут же превратился в глиняную глыбу, серебро стало гнилушками, золото — простыми булыжниками, а саму пещеру начала затапливать вода. Выбрался охотник наружу, а у входа его встретили заплаканные жена и дети. Жена, плача, говорила ему:

— Милый мой супруг, этот злобный колдун заколдовал нас и превратил в безсловесные березки, чтобы мы сторожили вход в его пещеру. Богатства злого колдуна нам не надобны, любовь да согласие ни за какие золото и серебро не купить!

Когда-то знавали и мы этого бравого охотника и его красавицу-жену. Она тоже умела на полном скаку стрелять с лошади, и детей растила, и Бога не забывала. Удивительные раньше были люди, и это совсем не сказки! А нам, сестры, как живущим в монастырском скиту, негоже, по пословице, борясь с жарой, надевать валенки! Чтобы понятней было, поясню: не следует, борясь с одним искушением, менять его на другое, во всем потворствуя своим страстям. Не соглашайся со злом, и оно само погибнет. Соглашайся с добром, и оно само укрепитя, и тебя укрепит! В духовной жизни это чрезвычайно тонко и мудро действует, если кто понимает. Без искушения, однако, никто не приобретал благодати. Как говорится, не поболевши, не выздоровеешь...

Монахи и безмолвие

Если монах начнет повиноваться старцу, то подобным, возможно, и не будет, но смиренным и благодатным, конечно же, делается. А если не научится послушанию, то посмешищем станет вне всякого сомнения. Поэтому послушание — дело весьма похвальное, а самоволие да упрямство — прямая причина для всяких раздоров. На эту тему старец, бывало, нам приводил историю, случившуюся-

ся в одном скиту, когда игумен уехал по делам в монастырь.

Собрались в одной келье трое друзей-монахов и решили попробовать жить в безмолвии. Сказано — сделано. Разошлись по углам, но каждому свое дело нравится более других. Один хочет читать, другой петь, а третий — работать бензопилой. Устали они от своего шума и решили поменять занятия. Один взял бензопилу, другой принялся читать, а третий — петь. Опять ничего не вышло, нету безмолвия, хоть убейся! Еще раз поменяли занятия, вышел полный конфуз. Дошло уже до недовольства друг другом, хорошо, старец вернулся. Узнал в чем дело и говорит:

— Отцы любезные и братья возлюбленные, если хотите жить в безмолвии, строго соблюдайте распорядок, иначе ничего путного и полезного не выйдет! Для кого он написан? Для нас самих. А что в нем написано? Утром — пение, днем — послушание, а вечером — чтение. Если это делать по очереди, а не все сразу, то безмолвная жизнь сама собой наладится. Иначе получится, как в известной басне: «А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь...».

Ни то ни се

Одна монахиня из небольшого лесного скита поведала мне эту историю, которая, если задуматься, приводит к большим выводам: как жить, чтобы спасенну быть, поскольку хуже нет, когда живут ни то ни се.

Собрались монахини в скиту, все ревнительницы молитвы и тишины. А дела-то не ждут, их тоже нужно делать, и на это есть послушания. Для облегчения трудов купили монахини пылесос. Благословила старшая монахиня трудиться с пылесосом самой усердной сестре. Теперь каждый день с утра начал пылесос шуметь. Вышло скоро, да не споро. Пришлось всем этот шум терпеть — ничего не поделаешь, послушание такое!

Затем усердная монахиня попросила благословения, чтобы и после обеда трудиться с пылесосом, иначе не успевает закончить послушание.

— Похвально, похвально! — сказала старшая монахиня. — Нам труженицы нужны, а не молитвенницы!

Все насельницы скита порадовались такому усердию и согласились терпеть послеобеденный шум пылесоса. Что поделать, если сестра с послушанием не успевает? А когда она далее попросила благословения работать с пылесосом и по вечерам, чтобы на следующий день поменьше работы оставалось, то остальные призадумались. Ревнительницам молитвы шум пылесоса очень начал мешать. Тогда старшая монахиня постановила:

— Вот что, сестры, нужно помочь сестре! Первым делом — послушание, молиться потом будем...

Теперь дела пошли успешно и пылесос гудел все дни с утра до ночи. Настоятельница не могла нарадоваться на тружениц! Правда, ехидные языки среди паломников начали поговаривать, что в скиту на пылесос молятся, но никто из монахинь не обратил внимания на такие пустые наветы. Так и позабылась

в скиту ревность к молитве, но не пылесос же виноват, если жизнь стала ни то ни се? То ли с миру искушение занесло, то ли в скиту так сложилось, никто понять не может. Духовник скита давно помер, а монахини так и остались со своим недоумением и нерешенным вопросом. Надо сказать, что совсем недавно они приобрели новую модель пылесоса, все очень довольны. Пожалуй, это и в самом деле загадка.

Два поросенка

В заморской сказке жили три поросенка, а в нашей — два, потому что это — наша сказка. Но наши двое многого стоят, поскольку опыта у них побольше. Однако прошу мою сказку не перебивать. Ведь она от начала начинается, до конца сказывается, а в середине не перебивается. Обычно только начнешь рассказывать, тут же вопросы сыплются, словно пшено из дыры в мешке: а почему, а отчего, а зачем?

Итак, в одном монастыре подвизались два поросенка-послушника. Заколдовал их злой волшебник — мир сей лукавый и коварный. Пообещал много, а не дал ничего, вдобавок изувечил молодые души. Сколько же их гибнет по сей день — один Бог ведает! Помилуй нас, Господи! Так, о чем это я? Ах да, о поросятах: один поросенок постоянно опаздывал на послушания, другой частенько ленился ходить на службы. Им всегда хотелось играть и резвиться на зеленой лужайке возле монастыря и ничего не делать. Но из кустов за ними наблюдал грозный Серый Волк — благочинный, не давал им спуска. Игумен

казался пороссятам-послушникам Кощеем Безсмертным, а монастырь — избушкой на курьих ножках, где есть для них еда и кров. Если бы не одно чудо, которое с ними приключилось, попались бы они под ружья злых разбойников — дурных помыслов и сложили бы свои пороссячьи головушки незнамо где.

Как-то погожим деньком пробрались пороссята-послушники на лужайку и ну резвиться, и ну играть, благо никто из начальства не видит! А из кустов выскочили на них разбойники с длинными ножами, чтобы зажарить пороссят на костре. Связали они бедняжек и повесили на вертеле, чтобы сделать из них жаркое. Уже подтащили поленья, начали разводить костер. Закричали изо всех сил испуганные пороссята-послушники:

— Серый Волк, выручай! Кощей Безсмертный, помоги!

Слава Богу, услышали их вопли в курьей избушке-монастыре. Выбежал Серый Волк — благочинный, разметал костер, а Кощей Безсмертный — игумен монастыря отогнал разбойников. По этому случаю начальство вызвало духовника.

Тут же приехал в монастырь добрый волшебник — мудрый старец. Отправились оба поросенка-послушника к нему на исповедь. И на той исповеди изгнал из них старец злое колдовство, растопил ласковым волшебным словом их огрубевшие сердца, превратив поросят в добрых молодцев. Непослушный поросенок преобразился в смиренного монаха, а ленивый — в усердного молитвенника. В благочинном увидели они теперь не страшного Серого Волка, а красавца Ивана-царевича, игумен предстал пред ними не Ко-

щем Безсмертным, а Воеводой всего монастырского царства. Воспрянув душой и сердцем, благодарили эти монахи Бога, что привел Он их к такому любвеобильному старцу и что монастырь теперь стал для них оплотом Спасения, и что вразумил их Господь увидеть в злых разбойниках — помыслах — подлинных губителей душ человеческих.

Свет не вечерний

Рассказывают старцы, что когда у человека заканчиваются суетные дела мира сего, то он сразу отрекается от мира. Тогда Господь как бы ставит на его мирских делах Свою печать, подтверждая, что долги человеческие выплачены и теперь пора подвизаться ради стяжания Царства Небесного. Он дарует такой душе, словно Райский пропуск, повторение Своего сладчайшего имени. В тот миг душа ясно понимает, что мечтания и сны — царство сатаны, а для того, чтобы обрести Царство Христово, нужно или жить, как мученик, или подвизаться, как преподобный.

Подвизалась в одном лесном скиту молоденькая монахиня. Хотя лет ей было чуть более двадцати, сердцем она вошла в лета многи, трудясь в постах и молитвах изо всех силенок ради Возлюбленного Христа, неустанно повторяя Его святое Имя. Великим постом она особенно любила слушать в храме чтение двенадцати Евангелий и приносить в келью свечу Чистого Четверга. Каждую сорокадесятницу монахиня готовилась к этому дню, ожидая его с великим благоговением и втайне надеясь, что во время

елеосвящения исцелится ее сухая левая рука, которая причиняла ей много физических и душевных страданий. Ожидание ее в этот раз еще больше возросло, поскольку накануне Чистого Четверга ночью она видела во сне Пресвятую Богородицу, которая ласково улыбалась ей.

По окончании службы, когда монахиня выходила из храма, бережно неся горящую Четверговую свечу, к ней подбежала маленькая девочка, умоляя подарить ей эту свечу, чтобы порадовать свою бабушку, которая очень больна. Как ни хотелось молоденькой монахини внести с молитвой в свою келью свет Христов, просвещающий всех, она, не колеблясь, отдала свою драгоценную свечу этой девочке.

— Откуда же ты взялась в нашем лесу, малышка? — удивленно спросила монахиня.

— Пришла поздравить тебя со святым Четвергом! Кто добрее, всем милее... — ответила та и прикоснулась своей детской ручкой к сухой руке молоденькой подвижницы. На мгновение монахиня увидела прекрасный сияющий лик Матери Божией и от радости потеряла сознание. Сестры, подбежав, подхватили ее и внесли в келью, в которой тихо струился негасимый свет Христов. Когда молоденькая монахиня открыла глаза, то увидела, что сестры в благоговении стоят на коленях, а она в исцелившейся левой руке держит горящую Четверговую свечу.

Скатерть-самобранка

Не совершать добрых дел и предаваться дурным делам — самое последнее дело для человека. Тут уместно сказать, что добро нужно уметь делать, чтобы оно осталось добром, а человек не стал подобным петуху с жемчужным зерном на куче навоза. Сейчас расскажу, если вы не устали, родные мои, что я имею в виду.

Попросился один паренек в послушники к старцу, который жил в лесу с другими учениками. Вставали они и ложились затемно, ночами клали поклоны, днем постились. И в таких лесных трудах через три года захандрил послушник: работы и так невпроворот, а еще пост и еженощное бдение. Не выдержал он и сказал старцу:

— Отче, утомился я: за три года ни молитвы не стяжал непрестанной и никаких чудес не научился совершать! Дай мне за мою службу какое-нибудь умение чудеса творить, и я вернусь домой, чтобы там людям добрые дела делать...

— Сынок, не поддавайся слабости, посмотри на других послушников, как они трудолюбивы и самоотверженны, и подражай им по мере сил...

Но паренек стоял на своем, твердо решив вернуться в мир, чтобы там добрые дела делать.

— Что с тобой поделаешь? — вздохнул, скорбя, старец. — Ладно, вот тебе в подарок скатерть-самобранка, помогай ею бедным людям. Когда скажешь: «Скатерть-самобранка, угощай-ка!» — тут же появится еда и угощение. Только, прошу тебя, перед родными и друзьями не хвастай, держи все это в тайне,

а то накличешь неприятностей на свою голову. А теперь иди, с Богом!

Обрадовался сильно паренек, поблагодарил старца, поклонился ему и отправился с чудесной скатертью восвояси. По пути встретил нуждающихся людей и сказал скатерти: «Скатерть-самобранка, угощай-ка!». Вмиг появились на ней еда и угощение. Изумился паренек: «Все так и есть, как сказал старец!».

Дома, при виде родных и друзей, не удержался похвастать добытой скатертью. Все кучей собралось возле паренька, затаив дыхание и глотая слюнки. Тот с важным видом произнес:

— Эй, скатерть-самобранка, угощай-ка!

А на ней появились не еда и угощение, но возник один заплесневелый кусок хлеба. Досада взяла «чудотворца»: еще и еще он приказывал скатерти оделить собравшихся едой и угощением, но кроме заплесневелого куска хлеба ничего больше не появилось. Не выдержав насмешек, схватил паренек скатерть под мышку и побежал к старцу.

На пути встретила его толпа народу, прослышавшая о некоем любителе творить добрые дела. Получилось точно как в пословице: «Сказал другу, пошло по кругу». Как ни упирался «чудотворец», уверяя всех, что это ошибка, никто ему не верил. Вдобавок избили его, а скатерть украли. С тем и пришел паренек к духовнику. А тот уже ожидает его на пороге кельи и говорит:

— Добрые дела, сынок, без всякого хвастовства делаются. А если хвастать ими, то выйдут не добрые дела и успехи, а только большое зло и огрехи...

Как издавна говорилось: сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок. Пора и мне малость передохнуть, люди добрые, сестрицы-голубушки. Закончила эту сказку — и на покой: пора молитвы читать, поклоны класть. К тому же еще и поясница постреливать начала от холода да от сырости. Должно быть, ревматизм разгулялся. Обычно оберну поясницу толстым пуховым платком, боль и проходит. А сейчас, видно, у печи прогреться как следует придется.

В заключение поведаю вот что: старые и малые, берегитесь закваски мирской, остерегайтесь пропасть в миру безцельно, бессмысленно, как говорится, ни за грош. Скажу одно вам: если западет в душу какое словечко из нашей были-небылицы, знай, расти его, помалкивай да молись, пока не прорастет оно красотою душевною, пригожею, благодатною.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Как братец сестрицу спасал

Начинается сказка, начинается побаска. Далеко от нас было, не видать, а от стариков удалось услышать, что некогда жили простые работающие люди, муж с женой, любящие Бога. И были у них добрые, дружные детки — мальчик да девочка, ласковые такие, что родители им нарадоваться не могли. Быстро пролетели детские годы, словно осенние листья с дерева: вырос мальчик славным статным молодцем, а девочка — девушкой-рукодельницей, обликом настоящая красавица, другой такой среди людей не сыскать. Вскоре родители померли, а брат с сестрицей остались одни в родительском доме. Питались они от огорода да перебивались рукоделием.

Раз пошла сестрица в лес по грибы и потерялась. Отправился братец ее искать. Забрел в дремучие леса, в крутые горы. Вокруг разбегались волчьи тропы, не для прохожего человека — все сплошь безлюдные места. Заночевал он под кустом калиновым и весь погрузился в грустные воспоминания, как они с сестрицей и милыми родителями жили-поживали. Затосковал он сильно, так и заснул в печали по сестрице.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Долго ли, коротко ли шел, но набрел братец

в лесных дебрях на красивый дворец, весь золотом изукрашенный. Ближе подходит — нет дворца, отойдет — стоит дворец как ни в чем не бывало. Досадую на это колдовство, догадался он, что это жилище колдуньи. Перекрестил дворец, а тот обернулся хижинкой, закопченной и страшной. И лес вокруг стоит сожженный, черный, горелый.

Поглядел братец в окошко: сидит на лавке его сестрица с распущенными крашеными волосами и ногти свои покрывает красным лаком, помадой губы подкрашивает, румяна на лицо наводит. А уродливая колдунья ее колдовским дымом из жаровни овеивает, заклинания шепчет. Брови у братца от гнева поднялись чуть ли не до макушки: одурманила ведьма сестрицу приговорами да наговорами, на дурное подушает!

— Эй, злая ведьма! — ударил братец кулаком в дверь, вышиб ее и смело вошел в избу. — Отдавай мне сестрицу сейчас же!

— Ах ты, гость непрошенный, незванный, — отвечает злая старуха. — Она сама такую жизнь выбрала! Нечего тебе тут кричать да повелевать! Спроси у нее сам!

— Сестрица, а сестрица, ты вернешься со мною в родительский дом?

А та с неохотой отвечает:

— Нет, братец, мне нужно еще свои длинные ногти докрасить, а потом хочу собой в зеркальце любоваться!

— Сестрица родная, вспомни отца с матерью, как они тебя любили, да голубили. Уму-разуму учили, о Боге говорили, и сердечко твое оживет. Эта злая старуха тебя на дурную жизнь подговаривает...

— Не могу, братец, ничего вспомнить, память мою забрала коварная ведьма!

А колдунья как топнет ногой, как закричит:

— Убирайся подобру-поздорову, дерзкий оборванец! Ну-ка, вороны мои, гоните-ка его прочь, чтобы позабыл сюда дорогу!

Тут налетели черные вороны тучей и погнали братца вон. Понял он, что нужно искать доброго волшебника, о котором слухи ходили, только никто этого старика не видывал. Собрался братец с духом и побрел по дебрям, по буеракам. Оцарапался, оборвался он вконец и очень изголодался. От тоски по сестрице даже захворал было, но ягодами калины кое-как подкрепился.

Наконец пришел на берег тихой, светлой речушки. В упоении он стал любоваться местами дивными, зелеными и привольными. Было пустынно и своеобразно красиво. Издали потянуло дымком очага. А за горкой — домик, и там старичок-лесовичок возле домика улы с пчелами осматривает.

— Далеко ты забрел, добрый молодец! — ласково приветствовал братца дедушка.

— Не такая уж это даль, добрый человек, когда сестрица моя погибает, одурманенная злой колдуньей!

— Да уж, взять нетрудно, а отдавать нудно... Опять эта негодница взялась за свое ремесло! — опечалился старичок. — Садись-ка поешь хлебца с моим медком, малость отдохни, пока я с пчелами управлюсь.

Потом говорит:

— Ну-ка, возьми эту святую воду, ею окропишь логово старухи — этим ее и прогонишь, а потом

брызни на сестрицу святой водой — она вновь станет ласковой да пригожей! Только все время в пути читай «Отче наш», а я за тебя здесь помолюсь.

Обратно братец добрался почему-то очень быстро, верно, старичок помог своими молитвами. Окропил «дворец» колдуньи, тот сделался закопченной хижинной. Окропил хижину, та на глазах тут же развалилась. Окропил старуху святой водой, читая «Отче наш». Та было накинута на него, но потом закрутила головой и превратилась в черную ворону, которая, каркая, улетела в обгорелый лес. Брызнул тогда братец на сестрицу святой водой, а она как будто проснулась и от стыда голову прячет:

— Откуда у меня эти красные ногти? Откуда эта красная помада? Кто навел мне эти румяна? Где моя русая коса?

— Колдунья тебя одурманила, милая сестрица! Теперь тебе не нужны ни длинные ногти с красным лаком, ни румяна на лице! Ты и без них самая пригожая на всем белом свете...

Вышли братец с сестрицей из развалин колдовского логова на ясное солнышко, а там «все стало вокруг голубым и зеленым», как в песне поется. Взялись они за руки и не могли наговориться, словно ворковали голубь с голубкой. А тут появился дедушка-пчеловод и подвел им коня с седлом и сбруей, с едой и припасами:

— Это вам, детки мои, подарок! Живите счастливо, Богу молитесь да меня, старика, поминайте!

Нашей сказочке конец, а кто слушал — молодец. Здесь только нужно добавить, авось, кому-нибудь пригодится, что детки, не знающие Бога, — пожизненное

наказание, а родители, не пришедшие к Богу, — пожизненное заблуждение.

Злое лихо

Старик со старухой с утра до вечера гнули спину на своем огороде. Жить-то надо, а где деньги взять, если денег нет? Трудно жить старикам на свете, и особенно когда нет детей. А ни того ни другого у них не было. Вдобавок привязалась беда: если что не ладилось, старик громко бранился и расточал проклятья. Уговаривала его хозяйка и попрекала, мол, язык во рту спокойно не лежит, всегда впереди ума бежит, да не отставал старик от дурной привычки. Был он человек несколько взбалмошный и любил, как говорится, чудить.

В одно лето напали на огород прожорливые жуки, черные, ненасытные. Дед собственными глазами видел, как заросли кукурузы от них колыхались. Ходил, бранился, сыпал химикатами и проклятьями — не помогло. Все сожрали пакостники. Осталось лишь то, что в земле росло: картошка, свекла, репа да морковь. Тем и перебились зиму.

На другое лето в земле завелись полчища медведок, на которых даже химикатов не было. Уничтожили весь урожай картофеля, и репу, и свеклу, и прочее. Пришлось деду с бабой довольствоваться кукурузными и тыквенными кашами. Всю зиму поминал старик медведок бранными словами, а старуха лишь плакала да слезы утирала, прося старика угомониться.

На третье лето не напали вредители. Радовались старики — огород день ото дня зеленел на славу. Но

хозяин с тревогой то и дело поднимал голову к безоблачному сухому небу и начинал побраниваться, что долго дождя нет. Началась засуха, еще пуще старик забранился.

Одним днем дед чистил во дворе сильно обмелевший колодец, осыпая засуху проклятьями. Старушка трудилась на огороде. Уже почти месяц не проливалось ни капли, все засыхало. Машет она тяткой и про себя молится: «Господи, уж если на всех-то не хватает воды, то хотя бы на один наш огород пошли дождика!». Как нарочно невдалеке по меже шел святой человек, стороживший в это лето соседский лес, поднял руку, погрозил ей и крикнул:

— Что такое — «на один наш огород»? Ты о всех молишь, не только о себе! А старик твой пусть прекратит браниться!

Поклонилась старушка святому человеку и переменила молитву: «Прости меня, Господи, не ведала, что говорила! Пошли всем людям дождика, а если хочешь, то и на наш огород!».

К вечеру в дальних полях зарокотал гром, тучи обложили все небо. Ночью хлынул обильный ливень. Обрадовался старик, говорит своей бабке:

— Ну, старуха, в эту зиму поживем в свое удовольствие! Урожай-то хороший будет. Знать, засуха моей брани испугалась!

— Ох, дед, лучше уж молчи, чтобы заново какое лихо не приключилось! — ответила та, накрывая на стол. — Это нас от засухи святой человек спас!

— Прямо-таки святой! Обычный человек, как и все, — заупрямился дед. — Это вы, старухи, о нем такие слухи распускаете. Пойду-ка сам в лес и пого-

ворю с ним. Может, он какие-нибудь заклинания от разных напастей знает...

— Теперь ты дело говоришь, — согласилась хозяйка. — Сходи, сходи, авось, он тебе поможет перестать браниться...

Положила в торбу деду угощение для святого человека: тыкву запеченную, вареный картофель да ломоть хлеба. И пошел дед.

Солнышко уже закатывалось, когда тропинка привела его через заросли дикого бурьяна к лесному шалашу. Возле шалаша — костер, на костре — котелок, у котелка — святой человек. На ветках березы — бутылки висят, большие и маленькие, заткнутые кукурузными початками. В бутылках — огоньки, то вспыхивают, то потухают. Деду это показалось подозрительным.

Поприветствовал он этого человека, передал гостинцы от бабки. Хотя и бранчливый был старик, но в душе не носил ничего невысказанного. Так и спросил напрямик:

— Скажи мне, странный человек, правда, что ты святой, как старухи говорят?

— Святой не святой, а просто простой! — ответил тот, щурясь от дыма и помешивая ложкой похлебку в котелке.

— А что это у тебя в бутылках шевелится? И знаешь ли ты от нечисти огородной какие-нибудь заговорные слова? — не отступал дед.

Тот, усадив старика у костра, промолвил, почесав бороду и усмехнувшись в усы:

— Все тебе расскажу, а ты на ус-то мотай да запоминай. Перво-наперво помни: кто смиряется, меньше

ошибается. Кто не бранится, в любом деле сгодится. А в бутылках держу злое лихо, которое людей мучает. В одной бутылке — злое лихо жуков поганых, а в другой — злое лихо медведок огородных, в третьей — злое лихо свирепой засухи. А что в остальных бутылках, того тебе знать не следует.

— А какие же есть от них у тебя заклинания? — разволновался дед. — Три года от огородных напастей мучаемся!

— Заклинаний у меня нет, а молитва есть: «Христе, помоги, от дурного сбереги!». Если ее повторять, никакая напасть не пристанет.

Пока старик размышлял об услышанном, святой ушел во тьму и вернулся с пустой бутылкой:

— А эта бутылка для тебя!

И святой крепко хлопнул старика ладонью по затылку. Тот от неожиданности словно онемел. Ему почудилось, что он уже не среди людей. Стояло полное безмолвие. В сердце словно загудело пламя, сжигая всю скверну. На душе как будто все прочистилось и прояснилось. Когда старик пришел в себя, то увидел в бутылке у святого человека мерцающий огонек. И святой ему толкует:

— Это твое злое лихо, все твои бранные слова. Ты и был тем самым вредителем огородов. Ведь от бранных слов всякая нечисть размножается и над людьми издевается! Бранный человек в семье, что проказа в теле...

— Понял, понял, отче святой! Каюсь, до конца жизни буду каяться... — выдохнул удивленный до глубины души старик. А святой низко поклонился ему:

— И старушку свою поблагодари, что она тебя к покаянию направила. Передай ей от меня низкий поклон...

По правде говоря, меня всегда от бранных слов мутило. И в семье у нас никто не ругался. А сейчас за ворота страшно выйти, хоть уши затыкай наушниками, в которых молодые любят щеголять. Ругаются и стар, и млад. И при этом еще почему-то на счастье надеются, мол, все будет хорошо! А с чего оно хорошее-то возьмется? Простите меня, старую, что на ворчанье потянуло. А право, все-таки очень больно за тех людей, которые языки распускают, очень больно, поверьте...

Монах и рюмка

Один старенький монах пристрастился к рюмке. Много не пил, но и без нее не обходился. Поставит, бывало, ее перед собой, наполнит доверху и скажет прибаутку:

— Эх, водочка, водочка,
Виновата сама.
Ко мне в горло попадешь,
Там тебе и тюрьма!

Однажды он, как обычно, принял одну рюмочку, а та вдруг ему говорит:

— Ну-ка, повтори!

Монах не поверил, снова налил и произнес свою прибаутку:

— Эх, водочка, водочка,
Виновата сама.
Ко мне в горло попадешь,
Там тебе и тюрьма!

А рюмка пританцовывает перед ним и говорит:

— Еще повтори! Еще повтори!

В третий раз повторил свою прибаутку монах и опустошил рюмку, сильно всему удивляясь. А рюмка подбоченилась и с важностью ему произнесла:

— А теперь послушай-ка мою прибаутку:

Эх ты, старый монах,
Не нажил себе ума.
К рюмке пристрастишься,
Там тебе и тюрьма!

Схватил ее монах, чтобы в стену швырнуть, а рюмка пропищала ему:

— Не разбрасывайся своим счастьем!

— Да с тобой совсем одуреть можно! — в сердцах воскликнул монах и разбил ее о стену. С тех пор к рюмке ни-ни! И другим не советует.

В нашей женской обители такого, конечно, не бывает, а как насчет мужских монастырей — не ведаю, не берусь судить. Эту притчу нам старец рассказывал, а ему все было открыто.

Как монах умирал

Помню, моя мамочка, умирая, все время рукою крестила себя, потому и улыбалась, когда ее отпевали.

Сподоби, Пресвятая Богородице, и мне, грешной, так помереть! К этому случаю поведаю одну историю, которую нам отец духовный в бытность свою сообщил...

Жил-был монах, ни ох, ни ах! Ну, вы понимаете, о чем я: пришло к монаху богатство, позабыл и братство! Настало время ему умирать. Умирал трудно, хотя исповедовался и причастился, как положено. Потом вытянулся и затих. Старший монах, боясь ошибиться, предложил братии, собравшейся вокруг тела почившего:

— Отцы и братья, протянем за усопшего четки!

Все углубились в молитву. Не протянули и трех четок, как покойник открыл веки. Монахи уставились на него во все глаза. Оживший не мог поднять головы и только моргал со страхом, умоляя убрать подальше какие-то копыта. После, преодолев изнурение и упадок сил, озираясь и тяжело дыша, поведал следующее:

— Когда я умер, то, не понимаю как, очутился вдруг в пустой незнакомой комнате. Только в раскрытом окне почему-то виднелась далеко вдали старая колокольня с покосившимся крестом, как когда-то в моем детстве. Мне захотелось посмотреть, что это за место. Я вышел: вокруг было пустынно и тоскливо, тихо-тихо, не видать ни души. Внезапно раздался топот копыт. Появились три страшных всадника на вороных конях. Они схватили меня и крепко отдубасили. Затем связали мне руки и ноги, бросили поперек коня и помчались во весь дух туда, где далеко впереди виднелась угрюмая гора, одетая туманом. Все это время они стегали меня своими плетками.

Молитвы, которые я знал, вылетели из головы, и я только кричал всадникам, что ищу милости и жалости. Но мои вопли были бесполезны. Я все думал, как мне вернуться в ту комнату с далекой колокольней и крестом на ней в открытом окне. Мои мысли в тоске устремились почему-то к этой комнате, словно мысли больного к предстоящей операции.

Мы примчались к пустынной горе, где меня ждал свирепый черный человек — предводитель. Всадники бросили меня к его ногам, а вместо ступней у него были копыта. Ужасный человек начал перечислять мои грехи, о которых я совсем забыл и потому не исповедал. От томительного стыда мне хотелось спрятать голову глубоко в карман. Я опять стал умолять о жалости, но предводитель отказал наотрез. Когда я лежал не земле, обливаясь слезами, запомнились мне его огромные черные копыта возле самой моей головы.

Затем эти ужасные люди стали оживленно толковать обо мне между собой. Я догадался, что их дело сладилось. Главарь велел тут же бросить меня в бездонную пропасть, которая темнела вдали и откуда вырывались языки пламени. Меня снова кинули на коня. В то время как мы мчались к пропасти, я заметил, что конь вдруг начал спотыкаться, а всадник еле держится в седле. Когда жуткая пропасть была уже рядом, путы мои ослабели. Где-то внутри сердца раздался еле слышный тихий голос: «Пусть живет для покаяния...». Мне удалось спрыгнуть с коня. Я помчался от этих страшных всадников и огненной пропасти и, не знаю как, очутился в своем теле. Душа трепетала, словно птица, вернувшаяся в свое гнездо.

Я увидел, что вы стоите вокруг меня и молитесь. Все, что мог, рассказал вам, простите меня!

Монахам стало и радостно, и жутко. Радостно, что умерший монах ожил по их молитвам милостью Божией, и жутко, что он едва не попал в самое пекло, не имея за душой никаких добрых дел.

Этот батюшкин рассказ мне очень запомнился, потому и передаю его вам, родные мои сестрицы, как есть. Историю, что вы сейчас услышали, батюшка узнал от одного кавказского монаха и поведал нам для нашего назидания. Для верующего она пусть будет быль и вразумление, а для неверующего — небылица и развлечение!

Боролся с помыслами

Когда-то на Кавказе построил себе келью на самом хребте отшельник-монах, человек немолодой, но кряжистый и сильный. Деревья в округе стояли наподобие него — в целый обхват, поэтому, пока строил, сила пригодилась. Пришлось изрядно попотеть: долго рубил, пилил, валил и колол доски. Поначалу он был, что называется, человек с огоньком. Потом первый молитвенный пыл постепенно у него угас, и жизнь пошла ни шатко ни валко. Однако он продолжал сидеть в келье, крепился и подбадривал себя тем, что сторожит ее.

Время стояло осеннее, тихое и дождливое. Однажды, а дело уже шло к зиме, раздался стук в дверь. Открыл ее: у двери стоял охотник. Настроения разговаривать не было, захлопнул дверь, думая, что гость

сам уйдет. Тот действительно рассердился и хотел было уйти. Стыдно стало монаху, что забыл о гостеприимстве, и он пригласил охотника. Гость нехотя вошел. Выпили чаю, разговорились.

— Скажи, монах, ты сидишь тут один, а что высидел? Одну тоску. А я, знай, привольно брожу по лесу, веселый и довольный. Моя жизнь лучше твоей, — сказал охотник.

— Я сижу здесь ради спасения души, а ты бродишь по лесу зверей убивать, — ответил отшельник.

— Если бы ты хорошо молился, то приобрел бы святость. А я семью кормлю и тем самым постоянно приобретаю ее любовь и всегда доволен. Моя жизнь, к слову сказать, опять же гораздо лучше твоей!

— Только в уединении можно стяжать молитву, поэтому я и ушел от мира. А ты в миру живешь, тебе этого не понять! — стоял на своем монах.

— Вот именно! Поэтому и не пойму я, ради чего ты забился в эту глушь? Я же в лесу нахожусь ради семьи и детей. Сам видишь, от меня больше пользы. Пожалей себя, идем со мной в деревню. Там будешь проповедовать, пользу людям приносить!

— Зачем меня допрашивать, зачем доискиваться? Я сижу в келье ради Бога и люблю Его! И очень доволен своим выбором...

Но сомнения уже закрались в душу отшельника. «Не пойти ли с охотником, раз мне действительно не суждено быть отшельником, а суждено приносить людям пользу, проповедуя им о Спасении?»

Отшельник замолк, опустив голову и глотая сухие слезы. Ему стало очень жалко самого себя. Но мысли о том, что в деревне он, возможно, собьется с пути

и начнет куролесить, остановили его. Когда незванный гость отвернулся посмотреть в окошко, не распогодилось ли, монах быстро перекрестился и перекрестил охотника. Тот неожиданно как будто расплылся в воздухе. Еще раз перекрестил монах призрак охотника, и тот исчез. Лишь раздался его смех:

— Ха-ха-ха! Я твой помысл саможаления...

Дивясь происшедшему, остался отшельник в келье. Спустя несколько дней мельком глянул в окошко: набухшие тучи низко неслись по небу. А по поляне бродила закутанная с ног до головы незнакомая женщина, словно чего-то ища. Потом подошла к келье и легонько постучала пальцем в окно. Поначалу монаху тревожно стало: откуда в безлюдье взялась женщина? Но он никогда не пятился назад. Рывком распахнул дверь:

— Чего ищешь, женщина?

— Козу свою ишу, отче. Потерялась кормилица, найти не могу. Непустишь ли обогреться у огня? Замерзла я. Сыро-то по лесу целый день блукать...

Жалко ее стало монаху. Пригляделся: глаза чистые, словно дождевые капли. Такая красавица любого с ума сведет. Женщина, приветливо улыбаясь, между тем рассказывала отшельнику о своем горе:

— Муж-то мой помер год назад, живу одна, детишек и тех нет. Козочка у меня за ребенка живет, да и та потерялась. Если бы кто обо мне позаботился сердечно, век бы была благодарна доброму человеку..

Монах молчал, поскольку не мог вымолвить ни слова. Мысли его улетели за облака. Не помня себя, он вышел с женщиной из кельи. Они спустились с горы. Косая тропинка вела через поле к низенькому

домику на краю деревни. А вдова продолжала повествовать о своем житье-бытье:

— Домик у меня свой, огородик есть. В погребце хорошее снадобье имеется, может и мертвого воскресить...

С гор потянуло вечерним холодом. Тут только монах пришел в себя: «Куда я иду с этой женщиной? Как я здесь очутился?».

Им овладела жгучая досада. Он, помедлив, остановился:

— Дальше никуда не пойду!

Вдова резко изменила тон:

— Ах ты, безсердечный человек! Сбил с пути бедную женщину, а теперь в кусты?

Отшельника охватили нехорошие предчувствия: «А если это снова наваждение лукавого?». Он решительно перекрестился и перекрестил «вдову». Та словно потеряла вес и, поднявшись в воздух, летела уже над его головой, осыпая отшельника проклятьями:

— Негодный монах! Я — твоя нечистая страсть...

Отшельник повернулся и бросился бежать, ускоряя шаги. Огоньки деревни остались далеко позади.

— Конечно, такого искушения без милости Божией человек совершенно вынести не может! — сказал себе монах. Он почувствовал сильное умиление и благодарность к Богу. После отшельник перебрался в другое урочище.

Да, мои дорогие сестрички, мы живем с вами под защитою церковною, под покровом благодати! А каково монахам в ущельях и пропастях земных, даже представить невозможно. Батюшка всегда советовал в подобных искушениях читать молитву Честному

Кресту, боится его вражья сила. Тогда ничто не одолеет такого человека, только главное ведь совсем в другом: как в это время вспомнить о молитве?

Наставляют на ум

В одном селе у бедной вдовы подросток сын, дружил с ленцой, а потому дела своим рукам не находил. Отец давно помер, а у самого голова, видать, еще не дозрела, чтобы в жизни смысл ее разуметь.

— Пойду, маменька, поищу по белу свету, чем бы мне заняться!

Вздыхнула мать, утерла слезу уголком платка. Благословила сына домашней иконой из божницы. Тот, скорый на подъем, сказал матери «прощай» — и отправился.

За селом дороги, словно перепутанные нити, разбегались в разные стороны. Шел, молодец, шел, сбился с пути, пошел напрямиком. Вокруг бурьян: лопухи, пырей да крапива. Никому в голову не придет бродить в той стороне. То тут, то там петляла какая-то заросшая тропка. Мутный свет месяца мелькал в тучах. Парень уже с трудом различал, куда ставить ногу.

Одна лишь поляна среди густых зарослей сияла ярко и свежо. Посредине стоял домик не домик, а какая-то лачуга. Приник он к окну: мать с дочкой у лампы пряжу прядут. А дочка прямо-таки блистает красотой, редкой среди людей. Услышав шорох, мать поднялась и вышла на крыльцо:

- С добром или злом пожаловал к нам, человек?
- С добром, с добром, — успокоил ее молодец.

— Тогда заходи, гостем будешь...

Вошел он в дом, ничего странного не заметил, перекрестился на иконы, украшенные бумажными цветами. Лишь сыростью тянуло по темным углам. Усадили хозяева гостя за стол и стали потчевать пирогами с грибочками да соленьями разными и приправами. Кушанье было отменное, так и отдавало ароматами. Отродясь такой вкусной еды не доводилось ему отвеживать. Польщенный вниманием, рассказал о себе, что ходит по белу свету, ищет, чем бы заняться.

— Чем заняться, молодец? — усмехнулась девушка. — У тебя мать-старушка одна бьется, за хозяйством смотрит, а ты ищешь дело своим рукам. Не сбился ли ты с пути-разума?

— Мне с красной девицей сподручней бы было хозяйство вести! — тряхнул кудрями молодец, не сводя глаз с лица девушки. Лицо ее затуманила печаль.

— Нам с тобою не бывать вместе, добрый молодец! — ответила, вздохнув, красавица. — А совет тебе все же дам: хочешь есть калачи — не сиди на печи! Управься поначалу со своим домом, а потом сможешь и другим добрым людям помочь...

Страшно сконфузившись, юноша не нашелся, что ответить. Однако поблагодарил ее за мудрый совет. Глаза его слипались, не заметил, как задремал.

Очнулся: месяц застрял над горой, словно сухая кость в горле голодной собаки. Сам он лежал у заросшей могилы. Густой плющ, словно редкостная пряжа, обвивал ее здесь и там. Забелела зорька, и понял молодец, что с ним покойницы беседовали, на ум наставляли. Словно напутствуемый их наставлениями, понурясь, он побрел восвояси.

По мне, старой, жаль этого паренька. Ведь вся соль в том, что ленивые часто хотят помочь всему человечеству, а до обычных дел у них, видите ли, руки не доходят. Куда же им-то человечеством заниматься, если лень на спине сидит да дремотою погоняет, приговаривает:

Не гляди, голубок,
На чужой пирожок.
Свои ленивые щи
В пустом чугушке ищи!

Искал чудеса

В городе, скажу я вам, тоже происходят иной раз очень странные вещи. Идешь по городу, кругом незнакомые люди, улицы, переулки, не то что найти кого, быстрее потеряться можно. И нос к носу встречаешь человека, которого, может, двадцать лет уже не видел. Буквально на днях встретила свою давнюю подругу из далекой юности: столкнулись в толпе. Если бы не этот случай, ни за что бы ее не признала. Пели когда-то вместе на клиросе. Но сказка моя не об этой чудесной встрече, а вообще — о чудесах в городе, как обманывает простаков нечистая сила. Только не перебивайте, иначе потеряю мысль, ходи потом, вспоминай.

В одном городе обитал некий студент, юноша-лежебока и с небольшим брюшком. Не имея предприимчивой жилки, жил пока бобылем. Почитывал, зевая, учебники и сильно располагал себя к мечтаньям. И страстно хотел, чтобы и в его жизни хоть раз

произошло нечто чудесное, что поменяло бы его однообразно текущую молодость на что-то головокружительно новое и захватывающее. Каждый вечер он, выходя на прогулку, загадывал себе что-нибудь удивительное, но ничего такого не случилось.

Как-то вышел он из своего подъезда, и мимо него легкой походкой прошла писаная красавица. Лишь повела уголком брови, как сердце мечтателя уже побежало за ней.

— Вот она, удача! — сказал себе студент и решительно последовал за незнакомкой. Что и говорить, у него сразу весь ум отшибло, упоенный воображением и мечтами. Красотка между тем свернула в один переулок, затем в другой. Прошли еще несколько домов, и девица быстро скользнула в мрачное здание, предназначенное на снос. Это озадачило не в меру ретивого преследователя. Заподозрив подвох, он остановился.

Сверху по обшарпанной лестнице спускалась старуха. Подойдя, она пристально посмотрела студенту в лицо:

— Зачем тебе понадобилась моя внучка?

Тот замялся, не находя нужных слов.

— Понравилась она мне, бабушка!

— Держи карман шире! Как же, без подарка и цветов сразу в гости норовишь попасть?

— Подождите минуточку, я мигом! — воскликнул мечтатель и опрометчиво бросился в ближайший магазин, купил торт и букет цветов. Старуха все еще дождалась в подъезде.

— А, это совсем другое дело! — взяв подарки, она развернулась, чтобы уйти.

— А как же я? — спросил, волнуясь, воздыхатель.

— Сейчас принесу ответ! — Старуха пошла наверх, гулко стуча башмаками по пустынной лестнице. Вверху послышался разговор, смех и через перила свесилась улыбающаяся девушка:

— Это ты чудеса ищешь? — спросила она, тыча в него пальцем. Ее изящная красота dokonала бедолагу.

— Всю жизнь мечтал о такой, как ты, моя красавица, самая чудесная на всем свете! — ответил тот, задрвав восторженное лицо.

— Тогда одну секундочку! — Послышался стук каблучков, стукнула дверь — и на почитателя женской красоты обрушились помои из ведра. Ошарашенный, он стряхнул с себя остатки картофельных очисток и взбежал вверх по лестнице. Открыл одну дверь — никого, открыл другую — пусто. Куда подевались, непонятно. Всюду царило полное запустение. Скорчившись от холода в углу, закрыл глаза и устроился ждать до самого рассвета.

Вскоре стало почему-то жарко и душно. Открыл глаза: в комнате ярким пламенем горели в камине дрова, рассыпая трескучие искры. Под боком у студента оказался диван, в головах — узорчатая подушка. Напротив сидела его красавица и хмурила тонкие брови. Старуха носила из кухни кушанья на стол.

— Хорошо же ты устроился: пришел и заснул, а мы должны тебя дожидаться! Ростом ты с Великого Ивана, а умом с болвана! Развесели нас чем-нибудь... — похоже, незнакомка была недовольна. У юноши перехватило дух. Он поспешил попросить прощения за

неучтивость. Хотя он был с ленцой, но характер имел живой, говорил с большим подъемом и, сильно воодушевленный, поглядывая то и дело на свою красавицу. Та звонко хохотала, закидывая назад свою прелестную головку. В ее глазах мелькали искры смеха, обнаруживая быстрый ум. Затем поднялась и приблизилась к студенту. У того все в груди заныло от восторга.

— Ты что тут расселся? — грубым мужским голосом спросила возлюбленная. — Ты что, бездомный бродяга? Ну-ка, поднимайся живей и убирайся отсюда!

Искатель чудес ощутил сильные толчки в спину и плечо и, быстро вскочив на ноги, обомлел: его выталкивали за дверь два решительно настроенных полицейских.

— Пошел вон, здесь ночевать запрещается! Прочь, пока не забрали для выяснения личности...

Шатаясь, словно потерянный, студент побрел вниз по лестнице. Сердце скручивала злость на самого себя, на свои глупые мечтания. Уехал он потом куда-то и устроился сторожем в церкви. О чудесах, впрочем, помалкивал.

Если уж верующим людям трудно справиться с нечистой силой, то что делать неверующим? Их-то, скажу я вам, нечисть дурачит, издевается над ними за один щелчок пальцев. И это не отвращает их от неверия, вот чего истинно жаль. Казалось бы, попались в злоключения, хуже некуда, а все равно тянет без Бога устроиться где получше. Так и получают мечтатели вроде нашего студента.

Самый лучший Сторож

Помню, когда я еще была маленькой, мама читала мне одну сказку. А поскольку я ее малость подзабыла, расскажу эту историю своими словами. Жила одна маленькая девочка. Бабушка поручала ей пасти корову на лугу. Позади луга находился большой темный лес, сплошь ели да сосны. Когда девочка пасла корову на лугу, там светило солнышко, и она ничего не боялась. Но однажды корова ушла в лес, где можно было встретить не только зверя, но и недоброго человека. Девочка подошла к опушке и сказала:

— Ну, теперь, Господи, сторожи меня!

И Господь начал ее сторожить. Пошла девочка по тропинке в лес. А позади вдруг тихонько хрустнула веточка. Обернулась девочка в страхе, а это зайчишка выскочил на полянку под солнечный лучик и сидит умывается.

— Ах, это зайчик, какой хорошенький! А я было испугалась. Теперь я вспомнила, что Господь сторожит меня!

Идет девочка дальше. Неожиданно вверху, на макушке елки, кто-то как закричит. Вздрогнула малышка, остановилась. А это сойка расшумелась, наклонила голову и сверху девочку рассматривает.

— Какая смешная сойка! — засмеялась путешественница. — А я теперь не сильно оробела, потому что меня Господь сторожит!

Тропинка между тем дальше вьется. На ней, там, где от прошлого дождика мокро, видны были следы копыт коровьих. Присматривается к следам девочка, спешит по тропе, которая вьется вдоль глубокого

оврага. Ветки кустарника кое-где начали перекрывать путь. Из-за этих длинных веток развязался шнурок на ее башмачке. Нагнулась низко девочка завязать шнурок, а тут, как нарочно, кто-то как прыгнет через нее. И по спине что-то больно ударило.

Закрыла глаза малышка, сложила руки на груди, а сердечко словно выпрыгивает из нее: тук-тук, тук-тук, тук-тук.

— Ну, чего я так испугалась? Ведь Господь меня сторожит! — сказала себе девочка.

Открыла она глаза, посмотрела: под ногами шишка лежит сосновая. Подняла голову — а на сосне белочка сидит, глазками поблескивает, рассматривает путницу, удивляется: кто это бродит в темном лесу?

— Ах, это же белочка! Наверное, это она прыгнула в тот самый момент, когда я нагнулась шнурок завязать. Снова меня Господь сторожил! А все-таки очень страшно! Побегу-ка я обратно домой...

Повернулась девочка и побежала к дому. Но впопыхах потеряла неприметную тропинку, попала в густые заросли малины. Стала из них выбираться. А там кто-то как засопел, как кинулся от нее через кусты, только треск пошел. Лишь увидела девочка лохматую бурую спину и маленькие ушки, прижатые к большой голове, — это мишка от нее улепетывал. Тоже, видимо, испугался.

— Господи, теперь Ты меня и от медведя посторожил! Сторожи меня и дальше, чтобы я корову нашла...

Выбралась крошка из кустов на поляну, а там колокольчик коровий — динь-динь, динь-динь, динь-динь... Это корова запуталась в кустах и головой мотала.

— Вот и коровушка наша отыскалась! Господи, как Ты хорошо сторожишь! И меня посторожил, и нашу корову. Обязательно обо всем бабушке расскажу, пусть она тоже порадуется...

Вместе с найденной коровой девочка вернулась домой. А на крыльце ее ждала любимая бабушка, все глаза проглядела.

— Зачем же ты, внученька, одна в лес пошла? Там одной боязно!

Обняла ее бабушка, а девочка ей говорит:

— Корову нашу искала, бабушка! Но зато я теперь хорошо знаю, как Господь сторожит всех, особенно тех, кто Его просит! Он — самый лучший на свете Сторож!

Если бы мы, дорогие мои, об этом помнили, ничего бы на свете не боялись! Уму-разуму никогда не стыдно учиться, даже у малых детей, потому что им Бог в Царство Свое открывает дверь полностью, а взрослым только щелочку, и то, кому повезет...

Ангел с крыльями

Меня часто спрашивают: что такое любовь? Мне кажется, что любовь — это прежде всего глубокое уважение к другому человеку, не к его греху, а к его человеческому существованию. А также благоговейное уважение к любому живому существу, и оно свойственно больше всего детям. Короткая история одного мальчика навсегда осталась жить в моем сердце. Расскажу ее вам, сестры, как могу, потому что всегда переживаю, когда ее вспоминаю.

В одном пригороде вместе с мамой жил один мальчик, любящий открывать в мире доброе и прекрасное, потому что сердце у него было такое же. Как говорится, мало видел, но умел много удивляться. Однако он часто и подолгу болел, поскольку не имел крепкого здоровья.

Его небольшая светлая комната находилась на втором этаже и окном выходила на юг. Из окна было видно следующее: внизу черепичная крыша гаража, за гаражом столб, с которого уходили вдаль электрические провода. За столбом начинался обширный яблоневый сад, за ним — сосновый бор, переходящий в волнистый зеленый простор.

Самыми любимыми друзьями мальчика была пара диких белых голубей, часто отдыхающих рядышком друг с дружкой и приглаживающих перышки, сидя на проводах за окном. Когда набегал быстрый летний дождик или дул порывистый ветер, они лишь теснее прижимались друг к другу. Мальчик любил открывать окно и угощать своих друзей, бросая им хлебные крошки на крышу гаража. Подобрал старательно угощение, голуби вновь взлетали на провода, поглядывая на окно и вертя милыми головками.

Но более всего мальчику доставляло удовольствие наблюдать, как эта парочка взмывала в высокое с причудливыми облаками небо, где «только синь сосет глаза», как сказал поэт. Там голубь и голубка подолгу кружились на фоне громоздящихся, золотых от солнца туч. Тогда из окна мальчик часами не отрывал от их полета своего восторженного взгляда.

Но как ни привольно было свежее ясное лето, на смену ему пришла дождливая осень. Затянул тонкую

жалобную песню пронизывающий ветер. Подголоском ей вторил унылый шорох дождя на крыше. Подросток простудился и слег. Мама поила его горячим молоком и следила за тем, чтобы он не забывал принимать лекарства, которые выписал доктор. Когда больному становилось лучше, он приподнимал голову и с жалостью смотрел на мокрых голубей.

Ледяной ветер поднимал их перышки, лапки зябли, но птицы, осыпаемые срывающейся из темных туч моросью, терпеливо переносили непогоду, сидя на проводах. Заболевшему мальчику по ночам снилось, как он летает с ними в безбрежном небе, здоровый и радостный. А когда просыпался, то чувствовал, что болезнь снова овладевает им.

Однажды, когда оголенный сад заволокли туманы и накрапывал холодный дождь, один из голубей стремительно полетел к окну мальчика и ударился о стекло, распластавшись всем телом. Мальчик и его мама, сидящая рядом с градусником в руке, вздрогнули от неожиданности. А голубь вернулся на свои провода и там поправлял клювом взъерошенные мокрые перышки. На стекле остался прозрачный белеый отпечаток летящей птицы: голова, крылья, лапки и оперение хвоста.

— Мама, смотри, — прошептал мальчик, — это на стекле ангел с крыльями отпечатался!

— Нет, сынок, на стекле отпечаталась фигура голубя. Видишь: вот его голова, вот крылья, внизу его хвост и лапки.

— Мамочка, а я вижу, что это ангел ко мне прилетел! — шептал мальчик. Он заснул в эту ночь с улыбкой на лице. В сумерках сильный холодный

дождь загнал голубей под крышу. На рассвете их не оказалось на обычном месте.

Утром мальчик первым делом взглянул в окно: голубей он не увидел, но изображение ангела по-прежнему оставалось на стекле. Больной с облегчением, но бессильно прилег на подушку, прикрыв глаза. Только светлая улыбка словно поселилась на его губах.

Каждое утро мальчик поворачивал голову к окну:

— Мама, а мой ангел с крыльями все еще там?

— Да, да, сыночек, он по-прежнему на стекле!

Куда же ему деться?

— Ты только не сотри его, ладно? Пока он остается в окне, я буду жить...

— Дорогой сынок, ты обязательно выздоровеешь, родной мой! — отвечала мать, волнуясь. — Не нужно так думать...

— Я не шучу, мамочка... — слабым шепотом отвечал мальчик. — Это правда... Ведь это мой ангел с крыльями...

В один из зимних дней мама вошла в комнату, потрогала горячий лоб сына и встревожилась:

— Температура растет... Тебе хуже, сынок? Я сейчас вызову скорую помощь!

Когда санитары выносили больного на носилках из комнаты, он прошептал:

— Мама, ты рядом?

— Рядом, рядом, мой дорогой! Я всегда рядом. Слушаю тебя...

— Мамочка, а все-таки на стекле — это ангел с крыльями!

— Да, да, конечно, сынок! — скрывая слезы, ответила мама. — Я тогда ошиблась, мое солнышко, это действительно изображение ангела с крыльями!

— Можно, я еще раз взгляну на своего ангела?

Санитары остановились, чтобы больной мальчик увидел окно. Он устало прошептал с легкой улыбкой:

— Прощай, мой ангел с крыльями...

Прозрачный облик на стекле словно на мгновение остановил прекрасный полет птицы, летящей с широко раскинутыми крыльями на фоне далекого соснового леса и серых зимних облаков. Санитары, увидев изображение на стекле, переглянулись:

— Необыкновенные вещи происходят у вас, хозяйка!

Мальчика увезли в больницу.

Дни шли за днями. Мальчик лежал в больнице, и доктора бились за его жизнь. А изображение на стекле в его комнате тускнело и бледнело все больше. За окном вился снег и, ударяя в стекло, угрожал стереть бледный отпечаток полностью. Вскоре он сделался таким тонким и едва уловимым, что разглядеть изображение становилось уже очень трудно. Волнение матери достигло предела. Каждый раз, возвращаясь из больницы домой, она с тревогой поглядывала на окно. Наконец, когда на стекле остались только слабые отпечатки кончиков крыльев и головки, мальчика выписали из больницы. Первым делом он подбежал к окну:

— Мамочка, мой ангел с крыльями все еще здесь! Он помог мне выздороветь!

— Конечно, мой родной! Это Бог поручил ему хранить тебя в болезни... — с ласковой улыбкой сказала мама, убирая подальше акварельные краски.

Батюшкина шутка

Прежде мне всегда хотелось выкопать где-нибудь в лесу глубокую яму и высказать ей все свои переживания, но когда на моем жизненном пути встретился батюшка, я открыла ему все свое сердце. Ныне, родные мои сестры, делюсь с вами всем сокровенным, чем живу и как эту жизнь понимаю. А понимаю ее так: чем бессмысленно возиться в суетной пыли, борясь с удачей и гоняясь за прахом, не лучше ли избрать для себя Царство Небесное, не от мира сего, обещанное всем нам Возлюбленным Христом на вечные времена?

Одна девушка, светлая и милая, с голосом звучным и мягким, как мелодия виолончели, к тридцати годам безутешно скорбела о том, что ухажеров много, а жениха нет. Поехала она к известному старцу попросить его молить, чтобы Бог нашел для нее суженого.

— А в монастырь не хочешь пойти, дочка?

— Что вы, что вы, батюшка? Я мечтаю только о муже и детях, и мама моя поседела от того, что долго замуж не выхожу... — ответила просительница с замиранием сердца. Уговаривать ее было бесполезно. Покачал головой духовник и ничего не сказал.

«Должно быть, теперь все наладится! — утешила себя девушка. — Если старец промолчал, значит согласен...»

В скором времени подыскался и суженый, правда, гораздо старше нее. У жениха тоже жизнь не сложилась: пока учился, пока работал, пока домом обзаводился, пока фирму создавал, лучшие годы утекли

словно сквозь пальцы. Поженились они и стали «молодоженами». Прошло несколько лет, а детского смеха в доме не слышно. Горюет женщина, что годы уходят, и мать горюет вместе с ней.

Снова поехала женщина к старцу.

— Помолитесь, отче, чтобы у нас дети были! — умоляет она духовника. Тот покачал головой, ничего не сказал. Отправилась просительница домой. Родился у нее ребенок, но очень нездоровый: и не говорит, и не слышит, одним словом, глухонемой. Плачет, захлебывается слезами женщина, и мать рыдает вместе с ней. Муж ходит угрюмый.

Полетела убитая горем мать к старцу, спешит на встречу. Поспешный стук каблуков в коридоре перебывает друг друга.

— Помолитесь, отче, чтобы здоровье сына пошло на поправку!

Опять покачал головой старец, ничего не сказал.

Через некоторое время прошла глухота у ребенка и он стал говорить, только сильно заикался. У женщины от этих скорбей просто руки опускаются, муж недовольство высказывает такой жизнью. А старушка-мать слегла и в тот же год скончалась.

Снова упрощивает просительница духовника:

— Помолитесь, старче, чтобы заикаться ребенок перестал!

Промолчал духовник, а дитя выздоровело. Другая беда не замедлила, навалилась, словно гора: муж запил, пьет и пьет. И не проходит пьянство. Даже поколачивать супругу начал.

— Что-то дело у меня застопорилось! — плачет женщина. Жалко ей свою жизнь, все здоровье свое

растеряла. Помчалась к старцу. А там ей сообщают, что нет уже этого доброго духовника, помер. Стоит женщина, не может никак в себя прийти:

— Как, помер? Не может быть! Это какая-то ба-тюшкина шутка?

Все ей не верится в смерть старца. И спрашивает она келейницу:

— А не оставил ли он мне чего-нибудь перед кончиной?

— Оставил вам кусочек антидора. Передайте, говорит, моему чаду, пусть съест натошак!

Та обрадовалась: «Ну, теперь-то уж все будет хорошо!». И утром съела антидор. И словно просветлело у нее внутри. Не успела оглядеться, как снова очутилась перед своим отцом духовным, не веря своим глазам.

— А в монастырь не хочешь пойти, дочка? — спрашивает духовник. Смотрит на него девушка и не может разобраться:

— А где же мой муж, больной ребенок, болезни, горести и скорби? Неужели все приснилось?

— Нет, не приснилось. Ты даже не уходила отсюда, — отвечает ей отец духовный. — Это тебе Господь открыл твою будущую жизнь для вразумления твоей души. Благодарю Его за чудесную милость!

Отлегло у девушки на сердце. Однако она снова настояла на своем и осталась в миру, надеясь, что теперь точно все будет хорошо. Как сложилась ее дальнейшая жизнь, мы не знаем. Сообщений от нее не приходило, должно быть, порадовать знакомых было нечем.

Чистый лист

А теперь о том, чего вы с таким нетерпением ждете от меня услышать, дорогие мои сестры, — как некоторые обретают Иисусову молитву. Даже заройся с головой в книги святых отцов, хотя при этом знаний приобретешь немало, а самой молитвы без практики не ухватить. Многие пробовали не пить, не есть, только поклоны класть, но не далась им молитва, даже наоборот — еще дальше убежала. Монах к тому же пожизненный обет принимает о стяжании этой священной молитвы, но не каждый ее удостоивается. Иной четки на руке носит, иной на шее, а в сердце молитвы не имеет. Почему? Об этом самом и будет наш рассказ.

Приехал из дальней воронежской деревни в монастырь потрудиться паренек по имени Иван. С болью в душе простился с родным домом. Уехал нехотя, потому что достали его насмешки сверстников по поводу его простоты. Не той простоты, которую хоть лопатой загребай, а той, о которой говорят, что она хуже воровства. К примеру, скажут Ивану — принеси ведро! По пути его еще десять человек отвлекут, так и будет весь день ходить, а потом принесет ведро к вечеру. От работы, однако, никогда не отказывался. Образование имел обычное, школьное, но и в школе над ним посмеивались. Спросят, бывало: «Где находится Африка?» — «В Африке!» — отвечает. Поэтому родители, приметив, что сынок их, хотя и с мозолями на руках, но с ветром в голове, отправили его потрудиться в монастырь, сказав ему: «В монастыре из всякого простеца делают молодца!».

В обители рабочие были все местные — люди ушлые, тертые калачи. Быстро раскусили нашего простеца. И говорят ему:

— Иван, тебе обязательно нужно пройти чин принятия в наш монастырь, чтобы получить хорошую должность!

У того от радости волосы на голове зашевелились, как перья у мокрого воробья.

— А что я должен сделать? — спрашивает простец.

— В полдень, когда народ пойдет из церкви, стань на площади и клади земные поклоны, пока не пройдет последний человек. Он-то как раз и назначит тебя на хорошую должность!

Иван, долго не раздумывая, сделал, как советовали. Народ, выходя из храма и видя такую набожность, переговаривался:

— Парень, должно быть, покаянный обет принял!

Другие восклицали:

— Он, наверное, ненормальный какой-то!

Или еще хуже:

— Что смотреть на него? Это просто местный дурачок!

Слыша подобные разговоры, Иван был сильно сконфужен, но кланялся в землю, не переставая. Так получилось, что игумен в тот день дольше всех задержался в алтаре и, выходя, немало удивился, наткнувшись на такого набожного богомольца. Забрал его с собой, побеседовал и, найдя его безхитростным, сделал старшим над рабочими.

В то же время проштрафился казначей обители. С каким казначеем такого не бывает? Он, чтобы

остаться на высоте положения, ломал себе голову, как загладить финансовые недочеты. Пропали деньги, а куда делись — неизвестно. Увезли казначея с сердечным приступом в больницу. Слухи поползли по монастырю.

Один из рабочих задумал посмеяться над Иваном. Вложил в конверт пустые бумажки, заклеил его и вручил парню:

— Тебе казначей премию дал в благодарность за хорошую работу!

Тот сунул конверт в карман, мол, потом погляжу. Днем возле храма на площади молебен служили монастырские отцы. Иван устал на зрелище свои глаза и позабыл обо всем. Воришка вытащил у него из кармана конверт и наутек. А по площади как раз быстрой походкой, втянув голову в плечи, проходил бухгалтер, намереваясь с казною монастырской незаметно покинуть обитель.

Схватил Иван подозрительного человека за руку и закричал во весь голос:

— Отдавай деньги, которые ты украл!

Тот с испугу тут же признался:

— Люди добрые, простите! Виноват, враг попутал, по ошибке взял монастырские деньги...

Отвели бухгалтера к игумену, пересчитали деньги — точно такая сумма, которой не хватает. Сделал игумен Ивана помощником казначея и дал ему совет:

— Ты что же это, Иван, без исповеди живешь? Обязательно сходи на исповедь к нашему духовнику!

Пришел утром помощник казначея к духовнику, постучал в дверь, заходит, а там большая очередь в келье. Келейник строго ему говорит:

— Подождите за дверью, когда старец освободится, потом примет вас!

Простец стал столбом за дверью и ни с места, дожидается, когда его позовут. А келейник в суете позабыл о нем. Поздно вечером шел старец на вечернюю службу, увидел у двери кельи столбом стоящего исповедника и полюбопытствовал, почему он здесь стоит.

— Утром келейник велел мне дожидаться, когда меня к духовнику позовут. А спросить стеснялся...

— Грех, когда не спрашивают, а когда переспрашивают — не грех! — усмехнулся духовник. Подивившись такой верности, сделал старец Ивана своим чадом духовным, принял его в послушники, а затем стал его восприемником в монашестве, дав ему имя Родион. Когда духовник умирал, взял монаха Родиона за руку и сказал:

— Молись обо мне, монаше, не переставая Иисусовой молитвой, которую велено монахам никогда не оставлять! Ты у меня послушный... — и своею рукою крепко сжал его руку, словно завещая ему свою благодать.

Со всем усердием монах Родион устремился к молитве и так навыв молиться, что она от него не отходила ни днем, ни ночью. Когда он сам стал духовником, нам приходилось исповедоваться у старца, и мы получали от беседы с ним великую духовную пользу.

Извольте видеть: душа парня — словно чистый лист, на котором можно написать, что угодно. А Богу более всего угодно выводить на нем Свои золотые письма Спасения. И Он делает это, как нам кажется, с превеликим удовольствием.

Герой нашего времени

Из множества людей нам более всего близки люди, волнующие наши сердца своей жизнью. А наиболее интересная жизнь у тех, кто стремится к молитве и к Богу. Безстрашие на этом пути — великая опора. Часто думают, что иметь ледяное выражение лица и холодное сердце — это и есть безстрашие. Но, попросту сказать, безстрашный человек — это тот, кто утвердился в своей доброте и отринул дурные страхи. Только нужно правильно понять, что жить без страхов — не значит жить легкомысленно.

Знавала я в молодости одну инокиню, которая приехала в горный лесной скит, полная надежд на духовное делание. Днем она усердно хлопотала на послушаниях, а по ночам ради молитвы ходила с четками по лесным дорогам возле скита и молилась под звездами и луной. И этим несказанно утешалась. Спустя много лет, когда у нее спросили, разве не страшно было по ночам молиться одной в лесу, та простодушно ответила:

— А я не знала, что это страшно, и потому молилась в лесу с великой радостью!

А теперь послушайте, что случилось с другой монахиней — подвижницей, жившей вместе с другими сестрами в глухом горном урочище. Помимо молитвенных подвигов, жизнь у них была поистине подвижническая, не всякому мужчине по силам. Много там было опасностей, не говоря уже о бандитах, охотниках и медведях. К тому же простая безопасность обязывала монахинь держать в секрете от местных жителей ради молитвенного уединения расположение

своих келий, а это ох как непросто было делать! Частенько в панике прятались монахини по оврагам и лощинам, чтобы не столкнуться на тропе с кем-нибудь из местных егерей или охотников.

Вечером, когда уже начала меркнуть заря, молодая монахиня возвращалась из селения в свою келью, неся за спиной в рюкзаке немного муки и кукурузного масла. Накрапывал мелкий летний дождик. Тропа была скользкая, резиновые сапоги не по размеру казались пудовыми гирями. До кельи оставалось с полчаса хода, и путница приободрилась, читая про себя молитву. Беда ожидала ее прямо за поворотом на обрыве, где тропа заворачивала к сестринским кельям. Бандит пересек ей путь, выставил нож и угрюмо прохрипел:

— Не смей пикнуть, а то заработаешь лезвие в бок! Веди к кельям, где монашки скрываются... Натаскали сюда добра, пора и с людьми поделиться! — И оскалил зубы в усмешке.

Вслед за ним и другой выходит из-за пихты «охотник», неприветливый, злой. Перехватило дух у молодой монахини, но опомнилась и закричала во весь голос:

— Сестры, прячьтесь!

Перекрестилась и прыгнула в обрыв, будь что будет. Полетела вниз через ветви, сучья, больно ударились спиной и застряла глубоко внизу в кустах. Хорошо, что в рюкзаке мука находилась и масло в пластиковой фляге. Они ее и защитили от гибели. Залезла бедняжка под вывороченное корневище огромного бука на крутом склоне и притаилась в своем убежище. А наверху раздались перебранки и говорят что-то не-

разборчиво. Вроде бы пытаются вниз спуститься, но им оказалось слишком круто. Затаила дыхание монахиня, только молится.

Сочувствие к сестрам и беспокойные думы о том, как бы грабители не отыскивали их кельи, больно сжали ее сердце. Поплакала немножко монахиня о своей участи, а бандиты все не уходят, ждут, не раздастся ли внизу шорох. Она молится, а «охотники» караулят. Достала странница из кармана сухарь, погрызла его тихонько всухомятку, слегка подкрепилась. Наконец наверху выстрел раздался — должно быть, бандиты пугали монахинь. Потом все стихло, видно, ушли не солоно хлебавши.

Кое-как вылезла подвижница на тропу, напрямик по засечкам и зарубкам к сестрам пришла, а там никого! Боль снова пронзила ее сердце — неужто с ними что-то нехорошее приключилось? Потеряла она сознание и упала на траву. Слышит, тормозят ее. Это сестры из дебрей вышли, куда спрятались, услышав ее крик. Привели они молодую монахиню в чувство и выспрашивают:

— Кого на тропе встретила? Кто подкрался? За чем стреляли?

Рассказала она все, как было. Сестры перевели дух. Хотела монахиня подняться, а сестры руками всплеснули:

— Да у тебя вся спина в крови, сестрица!

— А я боли почему-то не чувствую... — прошептала она и снова в обморок упала. Сняли сестры с «раненой» рюкзак, а в нем острый сук торчит — пробил канистру с маслом. Это масло и залило девушке всю куртку. Очнулась монахиня, поглядела:

— Половину масла во фляге все-таки дотащила, и за то слава Богу!

— Ты у нас герой нашего времени! — обнимают подругу монахини и тормозят ее. А наша подвижница застыдилась и не промолвила ни слова. Тогда у нее спрашивают подруги:

— А тебе страшно было, когда грабителей встретила и когда в пропасть летела?

А она отвечает:

— Сестрички, я же не знала, что это страшно, и не испугалась. А вот теперь очень мне страшно стало из-за того, что со мной приключилось!

— Тебя Бог, сестрица, за твои молитвы спас и нас схоронил от беды! Спаси тебя Господи! — расцеловали монахиню сестры.

Небывальщина

Некоторые, когда им скучно, начинают зевать, безцеремонно поглядывая на соседей. Вообще-то, скука — верный признак безрадостной жизни. А ведь радость сама не придет, с ней нужно подружиться. Как говорится, манит счастье, а в руки не дается! Какая в миру жизнь? Сами знаете: бесконечные ссоры и раздоры. Открытые речи нынче не в ходу, поэтому расскажу вам одну небывальщину о том, чем иной раз скука заканчивается.

В некоей деревне на кудыкиной улице жил-поживал, свою молодость проживал, бывший тракторист, а ныне фермер, молодой паренек, не охочий до мозолей, а охочий до журавлей в небе. Словом,

лежебока и любитель подремать, один из тех, о которых люди говорят: «Растяпа да тетеря — только убыль да потеря». Времени у него было много, а денег ни гроша, из-за этого несоответствия и еды было в обрез. Утром поест, а в обед слушает, как в животе трубы марш играют.

Друзьям о своей жизни рассказывал так:

— Удивительная полоса у меня пошла: времени ни на что не хватает! Пока встану, пока то, пока се, смотрю — уже опять лежу. А дня как не бывало... Хоть бы случилось что-нибудь!

Однажды, сидя у окна, наш паренек уныло задумался о том, что у него, молодого фермера, нет буквально никаких перспектив. И когда мимо окна прошла непонятная особа, он даже привстал на стуле от неожиданности. Почувствовав, что кто-то разглядывает ее из окна, она послала ему взгляд, полный самых радужных обещаний. Выскочил фермер на улицу и догнал ее, оказалось, иностранка. Говорила она своеобразно, и бывший тракторист не понял ни словечка. Парня охватило нетерпение:

— Где живешь? Куда идешь? — стал он говорить, помогая разговору руками и головой.

Та махнула рукой за деревню, мол, помочь надо! Фермер поспешил за ней. За деревней в проселочной колее, заполненной дождевой водой, застрял грузовик, груженный тюками и коробками. В кабине сидели двое мужчин: старый — должно быть, папаша (смекнул тракторист) и помоложе — возможно, брат иностранки (навскидку определил наш фермер-аналитик). И, похоже, его умоляют: помоги, мол, раз пришел!

Натаскал фермер сухого хвороста из рощи. Иностранка с братом тоже без дела не стояли — болтали себе в сторонке. Побросали паренек со стариком хворост в колею, затем старик бодро уселся за руль, и машина медленно выползла из грязи. Иностранка с братом взобрались в кабину. Папаша в последний раз просигналил и хотел уже ехать дальше.

— Стойте! — заорал бывший тракторист. — А как же я?

Люди, сидящие в кабине, вроде, смекнули что-то. Папаша закивал головой, полез в карман.

«Ну, может, хотя бы доллар дадут!» — екнуло в груди у паренька. Старик не торопясь вылез из машины, достал из кармана свисток, громко свистнул в него и вытащил из-за уха фермера пятьсот рублей. Еще раз свистнул, опять достал оттуда же пятьсот рублей. Спрашивает жестами, мол, как? Хватит?

Паренек не взял деньги, а показывает пальцем на свисток — его давайте мне! Старик словно погрузился в глубокое раздумье. Пассажиры в кабине смотрели на них, ухмыляясь. Потом папаша, горько вздохнув и махнув рукой, вручил фермеру свисток. Жадный до денег, паренек схватил свисток и хотел было свистнуть, но папаша не позволил ему этого сделать. Он очень строго начал объяснять фермеру жестами и иностранными выражениями, мол, сейчас нельзя свистеть, нет, только в двенадцать часов ночи! Тогда только свисток станет полностью твоим и начнет приносить столько денег, сколько хочешь! Затем иностранцы попрощались и уехали.

«Вот оно, диво-то, ко мне само привалило! — размечтался бывший тракторист. — Теперь у меня есть

перспективы: буду лишь свистеть и деньги из-за уха доставать! Только нужно двенадцати ночи дожждаться...»

Весь день не сводил паренек глаз со свистка, наконец цвет неба возвестил о вечерней заре. Трудно было фермеру не поделиться новостью с друзьями. Созвал он всех и объявил:

— В двенадцать ночи у меня будут деньги! Всех угощу! Только помните: это большой секрет, и обо всем, что увидите, — молчок!

Друзья, понятное дело, страшно заинтригованные, обещали ему сдержать слово. Но всем было очень скучно сидеть, дожидаясь без всякого дела полуночи. Говорит им владелец свистка:

— Ладно, сделаем вот что: тащите-ка пока на свои деньги из магазина что-нибудь поесть! Потом я вам все возвращу, и еще прибавлю сверх прочего...

Накрыли друзья обильный стол, пируют с фермером. Еле-еле стрелки часов подползли к двенадцати. Нетерпение у всех такое, что подключи к нему электрический чайник, и тот бы закипел! В двенадцать часов взял парень свисток, свистнул в него и полез за ухо — а денег нет! Свистнул еще — опять нет денег! Поднял он свистком оглушительный шум, но ни рубля не нашел за ухом. Недовольные друзья стали наседать на него:

— Отдавай назад наши деньги, которые просвистел! Это что за обман в двенадцать часов ночи?

И дело круто начало поворачиваться к драке. Хорошо, сосед из города вернулся. Заглянул на свист и крики. Ему все толком объяснили, так, мол, и так. А сосед громко расхохотался:

— Так это же цирк из города мимо деревни проезжал! Это все их фокусы...

Вот какая небывальщина произошла от скуки на кудыкиной улице. Но мне интересно другое: у тех, кто вышел из мира, времени нет на скуку и развлечения. Почему же у остальных, которые остались в миру только ради его «удовольствий» и «развлечений», такая тяжелая жизнь и судьба? Потому что забыли о Боге и спасении души. А этим драгоценным словам звучать бы, не переставая, в келье сердца человеческого, ну кто бы тогда не стяжал непрестанной молитвы, благодати и святости, если бы бросили свои «удовольствия» и взялись за подвиги духовные? А пока этого нет, остаются одни «развлечения», цирк, одним словом...

Незрелое яблоко

Знаете поговорку: от незрелого яблока во рту вяжет? То же самое происходит, когда взрослые серьезные люди начинают лицемерить. Тогда в ушах вяжет. Одно дело, когда в годы безпокойные, волнующие неопытная молодежь только-только в Православии что-то начинает понимать и говорит: «Мы — новоначальные». Это всем ясно и никто с этим не спорит. Хорошо. Проходит этак лет десять, молодые обзавелись семьей, дети подрастают, нужно самим в вере дальше расти, чтобы другому поколению пример показать, а они не хотят и живут как новоначальные. Такое сразу настораживает, особенно если у подобных людей спина в дугу согнута, волосы седые, шаги мелкие, дрожащие, другим советы раздают, тут им,

казалось бы, о Боге нужно думать больше, однако по делам их видно, что они как были, так и остались «новоначальными». Это уже никуда не годится. Погружение в собственный кошмар лицемерия люди часто называют жизнью, а никто не замечает, что жизнь давным-давно прошла, а они так и остались «новоначальными». Это была присказка, а сейчас будет сказка.

В девяностые годы пришел Карасев в Православие, жену привел, и дети вслед за родителями в церковь пришли, нехотя, но пришли. Начала семья посещать церковные службы, читать молитвы утренние и вечерние, иногда акафисты. С великим усилием посты стали соблюдать, плачут, но соблюдают. Чем теснее семья входила в церковную жизнь, тем больше Карасев пугался: «Что я, монах, чтобы так молиться?».

За ним супруга начала полениваться. В одно воскресенье некогда было пойти в храм, потом — в другое тоже некогда, затем вообще времени не стало, не до причащения. Появились у нее оправдания своей лени: «Что я, монашка, чтобы в церкви все свое время проводить?». Бабушка тоже поддакивает: «Конечно, можно и дома спокойно в праздники побыть!». Нашлась и причина: в праздник в церкви не протолкнешься, не прихожане, а просто беспорядочная толпа, спокойно проповедь послушать не дают, толкаются, разговаривают.

Конечно, безопасно жить, скажу я вам, значительно легче, опасностей, правда, значительно больше. То знакомые в автомобильной аварии разобьются, то родственник в больнице лежит, умирает. То подруги в несчастья попадут, то у подростков друзья погибнут.

Очень беспокойно в миру живет. Поэтому батюшка строго за прихожанами смотрит, к молитве призывает, к покаянию. Дочь недовольная приходит из церкви, бурчит: «То нельзя ногти красить, то брюки нельзя носить, что я, монашка?».

Бабушка ее поддерживает: «Ничего страшного, если внучка немного легкомысленно ведет себя, пусть погуляет с подругами! Разве она монахиня?». Сын самовольно жить начал, отец туда же, стеной стоит за него: «Он же не монах!». А что призвание монашеское — это самое святое в жизни, отмахиваются. Одно дело, когда по немощи не стремятся к лучшему, другое — когда ругают, это уже очень похоже на духовное помрачение. И на все один ответ: «Не иди же нам в монастырь?».

Пока есть монахи, есть и надежда на лучшее. И некоторым людям Бог через многие скорби отверзает ум. Наш Карасев частенько ссорился с женой, порой остервенело, когда слышал знакомые слова: «тиран! изверг! деспот!» — и тому подобное. Тогда он хлопал дверью и выбегал из дома как помешанный, ища забвения в кругу бывших дружков. А когда убежать было некуда, просто сидел в углу и тупо молчал, закрывшись газетой. Ему кто-то подсказал, что нужно просить совета у адвоката. А у того совет один: разводитесь. Разводиться супруг не решился: стало жалко дома, приобретенного собственным трудом.

Его супруга всегда любила жить на широкую ногу, хотя муж был не из богачей. «Для меня лучший отдых — поход в магазины!» — эти слова задевали мужа за живое. Тогда он в ответ сыпал колкости, что лишь

подливало масло в огонь, и горячая война полыхала у них неделями. Искала жена совета у родни и обычно получала один и тот же ответ: «Бросай его и найди себе другого». Но ей жалко было детей.

В один прекрасный день остановился при местной церкви старенький монах. Люди чередой потянулись к нему на исповедь, их многочисленные следы соединялись у дверей монаха. Некоторое время муж приглядывался к приезжему и затем отправился на исповедь. Монах ласково обратился к нему:

- Что лучше, сыне, раздувать огонь или гасить?
- Лучше гасить! — ответил супруг.
- Гаси ссоры любовью! — сказал старец. — Любовь ищи в Евангелии...

В сердце вопрошающего словно разлилась прохлада. Вся запутанность мыслей разом исчезла из души. Вернулся муж домой, посоветовал жене пойти на исповедь. Жена расплакалась у монаха:

- Отче, живу так, словно злобой мне застлало глаза! И сердце почернело от ссор с мужем, будто спалило пожаром...

Помолился о ней старец и сказал:

- Что, дочка, лучше: злоба или ласка?
- Ласка лучше, отче!
- Напои свое сердце лаской да добротой, и оно оживет, и семья твоя будет радоваться! Только почаще заглядывай в Евангелие...

Вернулась женщина домой, родня интересуется у нее о монахе.

- Исключительно родной человек! — ответила она, вытирая слезы. Взрослые дети тоже исповедовались у монаха.

— Что он вам посоветовал? — спрашивают родители.

— Мы не поняли ничего. Сказал, что за гнилую ветку не схватишься, на гнилого человека не обопреешься, поэтому стремитесь к Христову совершенству! Разве мы можем стремиться к Его совершенству? Это нам не по силам!

— Эх, дети, дети! — посетовали родители. — Это значит, что вы нас должны обогнать. Кому, как не молодым, это делать? Ведь стремиться к добру очень просто: нужно жить по-доброму и чаще заглядывать в Евангелие! И в кого вы такие уродились?

Нам совет старца тоже показался правильным: если молодым не по силам возрасть в вере, тогда кому это по силам? Значит, Бог, когда найдет тех, кто готовы за Ним идти к совершенству, им и Православие передаст. По-другому не бывает! Кому нужно незрелое яблоко?

Миша-путешественник

Старым людям много всякого разного и чудного о жизни доводится слышать. Что об этом сказать? Пытлив человек, и каждый свое толкует. По этому поводу хорошая сказка пришла на ум. Вы люди догадливые, уж сами поймете, что к чему.

Построил некогда богач себе хоромы на целый квартал, так что богатство прямо стреляло прохожим в очи. Но его сынишке двенадцати лет, Мише, нравилось другое: читал тайком от отца книги о путешествиях и к деньгам был, как ни странно, совсем

равнодушен. Это сильно огорчало богача. Он наставлял сына со всей строгостью, внушая ему: «Есть деньги — есть человек! Нет денег — нет человека!». Миша в таких случаях сбегал из дому так быстро, что в ушах свистел ветер. В очередную размолвку с отцом он в огорчении ушел в лес и вышел к прозрачной неширокой речушке. Солнце палило, и от деревьев падала густая тень. Птицы распевали во все глоса.

«Вот она, самая лучшая жизнь — слаще ее ничего нету!» — подумал Миша.

Прилег мальчик в траве и уснул. Снится ему, что выходит из лесу дедушка, лицо светлое, глаза искрятся добротой. Присел возле него на траву. Приласкал мальчика, погладив по голове, а затем повел задушевный разговор о том, кем молодой человек хочет стать?

— Хочу стать путешественником! — с юношеским задором ответил паренек.

Лицо дедушки разбежалось в улыбке:

— Это хорошо. Только чтобы с пользой путешествовать, поначалу надо бы узнать, что же такое самая лучшая жизнь, о которой ты мечтаешь!

— А как ее узнать, дедушка?

— Узнать ее непросто, но она всем по душе, кто поймет. Сам подумай. Когда твое путешествие закончится, тебе это не понравится. Когда моя дорога закончится, мне это тоже не понравится. Значит, лучшая жизнь — что-то другое... Вот тебе ретивый скакун, садись на него и скачи, куда он тебя привезет! Там найдешь ответ...

— Спасибо, дедушка!

Мигом вскочил Миша на скакуна и тот, словно птица, унес его в безкрайние степи. Оглянулся паренек: ни речушки, ни дедушки, будто стерлись, подобно следам на тропе. Впопыхах забыл спросить у старичка, каким путем обратно возвращаться. А скаун его спокойно рядышком пощипал траву, заржал тихонечко и растворился в холмах. Пошел Миша дальше широкой степью. Вокруг просторно и привольно, от разнообразных цветов рябит в глазах. «Вот уж точно, это и есть самая лучшая жизнь!» — подумал паренек.

Вдали он увидел пастушеский балаган и пастуха, который пас отару овец. Пастух подозвал юного незнакомца и участливо спросил:

— Кем будешь, друг, и почему забрел в наш край?

— Путешественник я, а оказался здесь потому, что скаун меня принес. Хочу узнать, что такое самая лучшая жизнь?

— Моя жизнь — пасти овец и тем самым от них кормиться. Твоя жизнь — путешествовать и задавать вопросы. Кто скажет, чья жизнь лучше?

— Не знаю... — задумался Миша, не найдя что ответить.

— В этом все и дело! Как говорится, где дно — не найдешь, — лицо пастуха наполнила улыбка. — Хорошо, помогу тебе. Важнее всего, по-моему, узнать то, без чего жить нельзя! Если ты путешественник, ты должен путешествовать, чтобы найти это...

Паренек поблагодарил пастуха за чистосердечный ответ:

— Спасибо тебе, пастух! Но в какую же сторону мне теперь направиться?

— Вот тебе провожатый! — пастух достал дудочку и заиграл на ней. К его ногам с синего неба спустился серый журавль.

— Он тебе покажет, друг, где нужно искать! Садись на него и — в добрый час! — сказал Мише этот приветливый человек.

Взобрался путешественник на журавля, и вмиг они слились с небосводом, только синева зашумела под крыльями. Долго ли летели, коротко ли, но вскоре приземлился журавль у дверей монашеской кельи, расположенной у горного озера. Вокруг сияли горные вершины. Из кельи вышел добрый-предобрый монах с седой бородой, в которой тут же поселился легкий ветерок.

«Наверное, он знает, что я ищу», — подумал мальчик.

— Для чего ты прибыл сюда, милый человек? — спросил монах, загораживаясь ладонью от яркого солнца.

— Хочу узнать то, без чего жить нельзя! — поклонился ему с трепетом Миша.

— Так-так, это хорошо. Тогда подумай-ка сам, милый мой: без чего жизнь не имеет смысла?

— Папа говорит, что без денег нельзя жить!

— Если деньги отберут, то жизнь останется... — усмехнулся старец.

— Может быть, без родителей? — попытался угадать мальчик.

— Но родители оставят тебя, когда умрут, — ответил монах.

— Без братьев и сестер? — старался догадаться паренек.

— Они сами разбредутся по свету, когда повзрелеют...

— Тогда, возможно, без родины? — задумался путешественник.

— Но ты сам оставишь родину, когда умрешь... — покачал головой седобородый монах.

— В таком случае, не знаю, отче, простите меня! — признался со вздохом Миша. Старичок обнял его за плечи и посадил рядом с собой на скамью:

— Когда люди узнают, в чем смысл земной жизни, то узнают и смысл Небесной жизни. Любая «лучшая» жизнь не имеет смысла без Бога! Узнаешь Бога, и всякая жизнь обретет свой смысл...

— Научи меня, старче, как узнать Бога! — всем сердцем взмолился паренек.

— Ты пока подрасти, а когда войдешь в зрелые лета, потрудись пройти весь этот путь своими ногами, чтобы отыскать меня. Когда станешь моим учеником и посветишь учебе всю свою жизнь, своим потом осолошишься, своей скорбью освятишься, тогда и узнаешь Бога! Ведь смысл жизни — это Бог, без Которого самая лучшая жизнь бессмысленна. Поэтому всегда стремись искать Его одного...

Что нам добавить в конце сказки? Кому дороже богатство, будут полны недоумения, потому что для них деньги — их божество. Кому дороже удовольствия, отмахнутся от нас, грешных: «Обманщики!». Кому невыносимо тянуть безрадостную лямку суеты и томления духа, задумаются. Кто не поверит сказке — его дело. А если кто не поверит тому, о чем сказка, — останется только грустно улыбнуться и вздохнуть...

Молодой монашек

Многие люди послушны любому помыслу, словно домашняя собачка щелчку пальцев своего хозяина. Мелькнет что-нибудь в уме — и тут же спешат это исполнить. Если взглянуть на такую душу, то она словно одета в рваные лохмотья помыслов, поскольку лишена сияющих одежд благодати. Избалованный ум подобных людей, погруженных в духовное невежество, исполняет без разговоров все мелькающие в их уме мысли. Лишь после долгого времени, изрядно намучившись и поскорбев, душа человеческая начинает исправляться. А до той поры она словно дразнит судьбу своей непреклонностью к богоугодной жизни. Монахам и монахиням такое поведение совершенно не к лицу.

Жил-был молодой монашек. Отрастив небольшую бородку и посчитав себя призванным к высокому подвижничеству, самовольно вышел из монастыря. Он поселился под скалой, среди трав и камней. Соорудил себе навес и, воображая себя отшельником, сидел там с проникновенным выражением лица, ожидая полетов молитвенного вдохновения. Через несколько дней помысл ему говорит: «Пойди купи себе хлеба!». Пересчитал монашек деньги, собранные ему вкладчину монахами, и отправился в село, в пекарню. Идти было далеко, поэтому пришел поздно, когда хлеб в лавке закончился. Монашек рассердился:

— Эй вы, хлебопеки! Хлеба побольше не могли напечь?

Хлебопеки нашли завалявшийся черствый бублик, швырнули ему:

— Убирайся, негодный монах!

Погрыз монашек черствый бублик, а помысл советуем ему: «Пойди в соседнее село и купи в магазине себе еды»...

Пришел он в село, а магазин закрыт. Продавец уехал за товаром, на двери записка: «Буду через час». Монашек все глаза проглядел, уставясь на дорогу. Внутри все кипело от негодования. К вечеру приехал продавец. С попреками и ссорами купил монашек банку рыбных консервов, к которым имел пристрастие, и поплелся в свое ущелье.

Вернувшись, решил поужинать. Достал из сумки банку, а открыть ее нечем. Забыл купить заодно консервный нож. «Что это у меня дела идут все хуже и хуже?» А в голове мелькнуло: «Тогда поди рыбы налови!». Порылся в своих вещах монашек, нашел рыболовные снасти и отправился голодный при свете звезд на берег моря. Но там его ждала сильная досада: не смог нигде под камнями найти наживку. Пришлось возвращаться ни с чем.

Между тем тучи обложили все небо и настала глухая ночь. Монашек рыскал туда и сюда, пока не заблудился. Ощущая в своем животе пропасть, в которой урчало, словно в медвежьей берлоге, со стенаниями и дрожа от холода, он промучился до рассвета. Утром с безрадостным настроением осмотрелся. Вдали под глыбой скалы заметил человека. Подошел поближе: старый монах, по виду — глубокий отшельник вдохновляющей внешности, молится стоя, обратившись лицом на восток и воздев руки. Рядом костер горит.

Присел монашек в сторонке на камень, намереваясь дожидаться окончания молитв. Долго сидел,

а отшельник весь ушел в молитву. Монашек ощутил, что его, словно током, пронзил помысл гнева: «Старый монах просто делает вид, что не слышит ничего!». Взял камень и начал им сердито постукивать, вне себя от раздражения. Старец прекратил молиться и обратился к гостю:

— Присаживайся к огоньку, почтенный! Гостем будешь!

Приблизился монашек к старцу, благословился, присел у костра. Старец оказал ему щедрое гостеприимство: угостил всем, что у него было, — печеным картофелем с солью и кружкой воды. Когда гость утолил голод, старый монах спросил:

— Что ищешь, недовольный человек? Куда путь держишь — по рассуждению или куда ветер дует?

Тот начал было рассказывать свою судьбу: как он сначала вышел из монастыря на подвижничество, как начались искушения — то одного нет, то другого. Пошел за хлебом, а хлеба нет, затем отправился за консервами и забыл купить консервный нож, в темноте хотел наловить рыбы — не нашел наживку, но вскоре потерял нить мыслей и умолк.

Старец положил руку ему на голову:

— Бог благословит тебя, чадо, и научит, как жить без помыслов!

— Осчастливь меня, старче, совсем измучился от них! — хотел ответить монашек, но вдруг почувствовал, что душа его словно взлетела в небеса. Едва сознавая себя, увидел, что стоит он среди широкого поля на берегу плавно текущей реки. У его ног бегала злая черная собачонка, норовя укусить его и мешая молиться. За рекой поднималось сияющее светило.

Собачка неожиданно куда-то исчезла, а сердце молодого монаха исполнилось великого умиления. Сколько времени провел он так, оставаясь недвижимым, не запомнил, как вновь очутился перед старым монахом. Тот сидел напротив с серьезным видом.

— Понял что-нибудь, монаше? — спросил учтиво старец.

— Объясни, отче! Ничего не понял... — поклонился ему монашек.

— Широкое поле — это твой ум. Спокойно текущая река — это твоя молитва. Черная собачонка — это твои лукавые помыслы, не позволяющие тебе молиться. Встающее солнце — это Сам Христос, Ему же слава во веки! Будь послушен Богу, а не помыслам...

Монашек упал в ноги старому монаху, со стыдом прося прощения за свое поведение и умоляя старца позволить ему остаться рядом с ним.

— Нет, монаше, ты не пришел еще в меру отшельничества, — ответил старец. — Возвращайся-ка лучше в монастырь и в послушаниях смири себя насколько сможешь. Через три года приходи, а там посмотрим...

В глубоком раскаянии молодой монашек попросился и ушел. Одно только хотелось бы прибавить к этому рассказу: если даже съесть страницу, где написано о послушании, послушным не станешь! Богодать стяжается трудами, а не ушами! Что тут поделаешь? Ничего не поделаешь! Нужно подвизаться, дорогие мои... Прошу ваших святых молитв и обо мне, грешной!

Три кольца

Жил один старичок, можно сказать, доживал жизнь. Вечер его жизни не был особенно светлым. Он остался совсем один, близких уже никого нет. А как жить, если никому не нужен, кроме Бога? Сидя по ночам, как тень, в кресле у окна, наполненного осенней темнотой, и согреваясь мягким теплом от горящих поленьев в камине, одинокий человек предавался воспоминаниям, навевающим неизбывную печаль. Воспоминания давно прошедшей жизни кололи душу: учился, женился, дети выросли и поразъехались, жена давно померла. С тех пор каждая мутная ночь, как вот эта, наводила тоску: жить — мученье, а умирать — огорченье. Только кошечка у ног тихим мурлыканьем разгоняла унылое настроение, поблескивая из полумрака зелеными глазами.

Все чаще мысли старика уносились в небеса, подалее от пыли и суеты, потому что на земле им нигде не было места. Однажды ночью перед ним появился едва видимый силуэт покойной супруги. Радость поначалу проникла в его сердце: она была прямая, стройная, как в далекой юности, и ласковым голосом приветствовала старика. Заметив благожелательность покойной, старик прямо спросил ее:

— С чем пришла, жена, с добром или со злом?

— С добром... — ответила она.

— Как же так вышло, что ты по-прежнему такая молодая, а я — старый и дряхлый? — скорбь прозвучала в его старческом голосе.

Силуэт супруги словно колыхнулся от смущения:

— На том свете нет престарелых, как здесь, на земле... Но мое дело к тебе не о том. Хочу отблагодарить тебя за то, что вспоминаешь меня в молитвах. Мне разрешено повидать тебя и сказать, чтобы ты вышел этой ночью в запущенный сад за домом. Знаешь, там, где дикие акации? Мы когда-то в них с тобой встречались. Много лет тому назад старые монахи закопали среди акаций в коробке три кольца. Одно кольцо — вечное детство, другое кольцо — вечная молодость и третье кольцо — вечный покой. Возьми их и ничего не бойся. Эти кольца искало очень много людей, но от них остались лишь их тени, полные жадности. Ты же поступи с кольцами по своему разумению. Место сам найдешь — везде будет роса, а оно одно сухо. А теперь прощай...

И облик покойной жены исчез, будто затворилась невидимая дверь. Старик опасливо задумался: «А вдруг это какие-то злые козни? Ночью искать кольца в саду совсем не пристало в моем возрасте... С другой стороны, если кольца действительно существуют, не испробовать ли их в деле? Терять мне нечего...». Его переживания хлынули, словно поток, любопытство пересилило и, одевшись потеплее и захватив фонарик и лопату, старик двинулся в указанное место. Заброшенность темного сада и глухая ночь внушали страх. Он обернулся на шорох: в темноте светились зеленые глаза. Это кошечка последовала за хозяином и, будто ободряя его, потерлась о стариковскую ногу.

При свете фонаря акации теснились ствол к стволу. После долгих поисков старику удалось найти сухое место размером с несколько ладоней. Только копнул

несколько раз землю, глухо зашумели акации. Луч фонарика высветил чьи-то бледные лица с вытаращенными глазами. Тонкие тягучие вздохи из темноты леденили душу.

Кошка, взвизгнув, бросилась прочь. Старик сильно перепугался и хотел уже удариться в бегство, сколько оставалось сил. Но любопытство оказалось сильнее. Коробка действительно нашлась. В ней лежало три кольца. Ошеломленный находкой пожилой человек быстро надел на палец кольцо детства. В мгновение ока в его руке оказался сачок, вокруг порхали бабочки и стрекозы. Он прыгал и резвился, пока не устал. Милая мама сытно накормила его и поцеловала в голову. Отец пришел с работы и потрепал сынишку по плечу. Он, счастливый, сладко уснул. На следующий день опять повторилось то же самое, и на второй день, и на третий, и во все последующие дни происходило одно и то же. «Нет, вечное детство не по мне, надоело! Хочу быть взрослым...» Мальчик взглянул на руку: на пальце блестело кольцо. Он решительно снял его.

В саду все так же было темно. Кошечка сидела у ног, настороженно глядя во тьму. Затем выгнулась дугой, зашипела и вмиг взлетела на дерево. Из темноты одна за другой выходили смутные фигуры, протягивая алчные руки к коробке. Старик торопясь надел второе кольцо. Мгновенно он оказался в веселой молодежной компании. Звучала музыка, вокруг сидели за столом молодые парни и девушки, в море блестела лунная дорожка. Он — молодой человек, шутит, смеется, острит без устали. Все слушают его слова, прерывая их веселым смехом. Кто-то из девушек улыбается ему, перебрасываясь с ним шутками.

Из-за стола напротив поднимается его всегдашний соперник. Началась перебранка, посыпались оскорбления. Компания подзадоривала ссорящихся: «Пусть дерутся, как мужчина с женщиной!». Вначале молодой человек побеждал и теснил соперника, но неожиданно получил сильный удар в подбородок и упал, услышал, словно издалека, плач любимой девушки. Утром болела голова, ныл подбородок. Зазвенел будильник: пора браться за учебники. Затем пришлось бежать в институт и, волнуясь, сдавать очередной экзамен. Кое-как сдал его, вечером молодой человек снова оказался в том же веселом обществе. Опять повторилась вчерашняя история, то же самое произошло и на третий день. В следующий раз она уже совсем наскучила нашему парню: «Что происходит? Не молодость, а какая-то глупость все время получается!». Он решительно сорвал с пальца кольцо, с которым все исчезло.

Акации глухо шумели, кошечки рядом не было. На свет фонаря к кольцам тянулись чьи-то трясущиеся руки. Безсвязные голоса шептали: «Наши кольца, наши кольца...». Вдалеке уже кричали петухи. Сырой ветер нагонял сильную тоску по иной жизни, решительно отличавшейся от тех историй, которые ему пришлось пережить. Старик со вздохом облегчения надел третье кольцо и очутился в своей комнате. Он с четками сидел в кресле у знакомого окна, в котором искрилась алмазная ночь. В теплом комнатном полумраке краснели в камине угли прогоревших поленьев. У ног мирно мурлыкало верное зеленоглазое создание. На руке пожилого человека блестело кольцо, последнее кольцо, которое он уже не хотел снимать,

потому что неизбывная печаль, прежде теснившая его сердце, исчезла навсегда...

Кто как видит

В жизни, милые мои, сами знаете — полно несуразностей и нелепостей, где здравый смысл часто становится понятием относительным. Как правило, никакой разницы нет — давно это было или произошло вчера. От правды беды не будет, а о лести не стоит и говорить. В этих строках — самое главное, о чем нам хочется поведать: как научиться понимать друг друга? Сколько способов ни перебери, а чтобы вреда не вышло, остается лишь один способ: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... и ближнего, как самого себя» (Мф. 22, 37–39). Об этом вы сейчас и узнаете.

Приставила игуменья к старшей монахини, многоопытной и старательной, в послушание и обучение молодую монахиню. Весь упор в укладе монашеской жизни настоятельница делала на чистоту в обители, поэтому сестры весь день начищали и полировали всевозможную утварь, начиная от кухни и заканчивая гостиной. По этому случаю она говорила монахиням:

— Когда все чисто и убрано в обители, то и в душах чисто!

Не берусь судить о душах, поскольку это дело духовника, но с уверенностью замечу, что в монастыре все сияло и сверкало благодаря острому глазу настоятельница и усердию подчиненных ей монахинь.

Однажды она взяла с собой в поездку к владыке обеих монахинь: старшую и младшую. В приемной большого административного корпуса висели различные дорогие картины в рамах и под стеклом. Монахини, пользуясь свободным временем, когда игумения вышла, начали рассматривать эти картины. Возле одного пейзажа старшая монахиня остановилась и подозвала молодую:

— Ты то же самое видишь, что и я?

Та пристально рассмотрела все, что там было изображено, и ответила:

— Очень красивый пейзаж: пшеничное поле, величественные дубы, дорога, уходящая вдаль, белые облака...

— Это не то, — перебила ее старшая монахиня. — Видишь, в уголке пятна на стекле и какие-то подтеки. Нужно сказать об этом матушке...

В другой раз шли обе монахини по двору монастыря, возвращаясь с церковной службы. На дорожке под липами они увидели, что настоятельница распекает насельницу монастыря, а та упрямо ей что-то доказывает, даже вся покраснелась. Старшая монахиня тихонько говорит младшей:

— Надеюсь, ты видишь то же самое, что и я?

— Вижу, что монахиня ведет себя неподобающе и не слушается матушку игумению...

— Нет, я не об этом говорю, — сказала нетерпеливо старшая монахиня. — Посмотри внимательно: у игумении подол рясы слегка обтрепался, нужно будет ей сказать, чтобы починили. Это непорядок...

Послушница

Дорогие мои сестрички, хорошо иметь сердце, которое оторвано от земли и ее забот. Но для этого необходимо иметь храбрость не задерживаться на непотребных помыслах, как сказал один из мудрых. Расскажу напоследок, что бывает, когда душа непослушна.

Ослушалась одна послушница игумению. Вслух ей ничего не сказала, хотя была бойкая на острое слово, но в душе возроптала. Захотела послушница в келье успокоиться, да не тут-то было! Непотребные мысли начали бесовестно и нагло глумиться над ней. Услыхала она ненароком, как будто кто-то под вечер хихикает под столом. Заглянула, а там ей рожицы корчит лукавый. Перекрестила послушница лукавого, а тот отвечает злорадно:

— Не уйду ни за что от того, кто со мной дружит!

Побежала она к настоятельнице:

— Матушка, простите меня, что осуждаю других и что так поздно вас беспокою: я не послушница, а ослушница! Нету мне в келье покоя...

— То-то тебя быстро Бог вразумил прощения просить! А что у тебя приключилось?

Рассказала та игумении все, как было, и что у нее в келье творится.

— Не слушай лукавого, дочка! Перекрести его на этот раз, и он убежит.. А все, что будет тебе вкладывать в уши и сердце, — вздор! Бог тебя благословит!

Вернулась послушница в келью, перекрестила нечистого, тот завыл, заметался, вылетел в форточку и поехал верхом на тумане.

— Вот я какая стала молитвенница! Теперь меня вражия сила боится... — подумала она самодовольно. И сразу мысли, словно комары возле уха, запищали:

— Игуменья сама ничего не знает и тебя, молитвенницу, сбивает!

А послушница им отвечает:

— Все, что ни скажете, это вздор!

А те ей толкуют, уговаривают не слушать настоятельницу. Снова побежала к ней послушница, упала в ноги:

— Матушка, простите, знаю, что помыслы говорят вздор, но ничего не могу с ними поделать!

— Не слушай их, дочка, молись!

Вернулась послушница в келью, а ей помыслы клевету, словно помои, в уши льют:

— Этот монастырь тебе не подходит, не спасешься, не спасешься в нем!

Даже расхворалась бедняжка от своей немощи и безсилия духовного. Никак не может избавиться от гадких помыслов. Начала она укорять себя:

— Ну, какая из меня молитвенница? Ну, какая из меня послушница, если я помыслы слушаю, а не игуменю?

Игуменья сама навестила в келье послушницу, а та ей все исповедала, плача и обливаясь слезами. Настоятельница дала ей совет:

— Не ищи, дочка, радость в чужом дворе, а ищи ее в своем добре!

— А как же ее найти, матушка?

— Так, как нам в свое время батюшка говорил: «Никого не осуждай, а себя укоряй! Не цени чужое счастье, а цени к людям участие!»

— Именно так, матушка игуменья! Одна я во всем виновата! Каюсь, простите меня!

От этих покаянных слов будто пахнуло чем-то радостным в сердце послушницы. И стало на душе у нее чисто и прозрачно, словно стеклышко в иконе. Хотя у послушницы было еще много разных искушений, но все же она кое-что ухватила в духовной жизни и очень этому была рада.

По этому поводу скажу теперь так, сестры милые: не стоит в мечтаниях летать и парить, аки безплотные по воздуху. Лучше со смирением ходить по земле, чтобы уподобиться святым и преподобным, которые поучают нас, чтобы мы всегда хранили сердца свои от рассеяния. Ведь тут все просто: как полному желудку противны духовные беседы, так и невежественного человека воротит от разговоров о Спасении. Тишину ума и сердца трудно обрести в миру, как невозможно в монастыре найти усладу в мирских удовольствиях. Приложим же всяческое усердие к покаянным молитвам и научимся стоять в святой храбрости против непотребных мыслей, сколько бы ни падали, дабы перейти нам из чина младенческого в чин богоспасаемых душ человеческих.

Тихоня

Иной раз мне, старой, думается так: если бы на небе после захода солнца горела только одна звездочка, и то было бы прекрасно, а их вон сколько горит! Точно так же, если бы на земле после Христа появился хоть один святой, и это было бы чудесно,

а их сколько с тех пор появилось и продолжает появляться! Из-за того лишь, что сердца у людей окутались тьмой, люди перестали видеть святость и красоту. Ведь святые могут жить бок о бок рядом с нами, а мы, по лености и слепоте душевной, живем как ни в чем не бывало, даже этого не подозревая.

Припомнилась мне история одной монахини, когда она еще жила в миру. А рассказала она следующее: довелось ей повстречать в жизни юродивого, который ее сильно растрогал. О нем болтали разные невероятные вещи. Звали его Тихоней, то ли оттого, что имя его было такое, то ли потому, что он был слишком скромн, прост и неприхотлив. Бывало, поговорит с кем-нибудь душевно, а тот убегает, захлебываясь от рыданий. Хотя этот юродивый был чрезвычайно смиренный, который и мухи не обидит, но случалось, что он сурово поругает человека, а тот от радости начинает улыбаться. Очень он любил открывать людям то, о чем у них тайно болело сердце. Удивительно, что те, кто слышали от него обращенное к ним слово, хорошо знали, о чем оно. Остальным же все это было невдомек, тем более что считали его заурядным человеком, только немного не в себе.

В частности, этот юродивый предрек нашей девушке быть монахиней. Долго перед этим она сомневалась, и колебалась, и боялась всего, что происходило за стенами ее дома, хотя уже преподавала в школе. Мысли о монашестве уже посещали ее, однако она никому ничего не говорила об этом.

Однажды приснилось ей, что она стоит на остановке и ждет автобус, чтобы ехать на занятия. Дождь,

как нарочно, полил рекой. Автобус подъехал и остановился посреди разлившейся огромной лужи, и учительница никак не могла решиться ступить в нее, чтобы войти в двери, испытывая неодолимый страх перед глубоким потоком.

Водитель, видя, что девушка не выходит из-под навеса, тронулся с места, собираясь уехать. В это время появился юродивый и остановил одной рукой машину: колеса крутились, а та ни с места. Другой рукой он кинул свой посох под ноги девушке. Там, где он упал, образовалась сухая дорожка, а кругом вода шумела, словно озеро. Зажмутив глаза, учительница шагнула вперед и, не зная как, очутилась в автобусе. Тогда только водитель смог тронуть его с места и закрыть двери, почему-то объявив: «Следующая остановка — монастырь!» — хотя в городе никакого монастыря не было. А юродивый куда-то стремительно ушел.

Пассажиры у девушки спрашивают:

— Как же вы, дорогая, перешли через огромную лужу и остались сухой?

А она ответила:

— Мне юродивый помог!

— Не видели мы никого! Очень странно... — стали говорить пассажиры, поглядывая на нее.

Когда учительница проснулась, не могла понять, что с ней было: сон или явь? В тот же день, когда она шла из школы, увидела юродивого, который что-то толковал обступившему его народу. Тихоня заметил девушку и помахал ей палкой:

— Как, монахиня, доехала на автобусе до монастыря? Не промокла?

Народ, понятно, засмеялся: мол, какая из нее монахиня? Учительница она, вот кто! И при чем здесь монастырь?

Но слова юродивого полностью сбылись, когда в их город приехал известный старец и благословил ее идти в монахини.

Одно сердце слышит другое сердце, что в этом удивительного? А помочь хотя бы одной душе отречься от мира и совсем оставить его — это, знаете ли, почти невозможно. Тем более удивительно, когда для подобной чудесной помощи нет никаких преград — ни во сне, ни наяву! Как только нам встретить и распознать такого юродивого, вот в чем вопрос...

Золотые венцы

Сурова подвижническая монашеская жизнь, где скорби пьют большими ведрами, а благодать вкушают маленькими ложечками, по выражению святых отцов. Но Милосердный Господь, когда видит такую верную душу на исходе от брэнной жизни, не мерою дарует ей Святого Духа, чтобы она во всей полноте познала Небесное блаженство.

Заболела в одном горном скиту пожилая монахиня-подвижница и начала умирать. Сестры, чем могли, помогали больной: ухаживали за ней и усиленно клали поклоны со слезами и рыданиями. Очень уж они любили старую подвижницу, поэтому с превеликим усердием тянули за нее четки. Жалко было монахиням расставаться со старицей, и они усиленно умоляли Пресвятую Богородицу продлить лета ее жизни.

И когда монахини прилежно молились, над головой умирающей подвижницы появился золотой венец, на котором было написано: «За монашескую жизнь». Сестры удвоили свои молитвенные мольбы и, затаив дыхание, наблюдали, что будет далее. А далее появился еще один золотой венец, на котором сияла надпись: «За послушание старцу». Когда появился третий венец, монахини не смогли сдержать радостных слез, прочитав на нем надпись: «За терпение в болезни». Рядом с ним воссиял венец «За нестяжательность», затем венец «За воздержание», и еще один венец — «За неустанные молитвы», и напоследок — венец «За смирение».

В это время умирающая монахиня открыла глаза и прошептала:

— Пресвятая Матерь Божия, уже вся келья полна венцов! Отдай их сестрам, а мне хватит одной милости Твоей!

И тогда все венцы исчезли и монахини увидели светящийся облик юной девушки, одетый в белые одежды и выходящий из тела умирающей старицы. В руке эта девушка держала золотой лист, где горели Небесными лучами слова: «За великую любовь».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хочу заодно уж поделиться с вами теми духовными крохами, что насобираала от отцов — подвижников и духовников, коих привел Господь встретить на жизненном пути. Подвизались они войти в жизнь вечную тесными вратами, избегая широких врат и пространных путей, ведущих в погибель. А говорили они о том, сестры, что благодать в душе собирается капля по капле, а теряется в один миг. Спасение же обретается в мгновение ока, а идешь к нему всю жизнь.

Более всего берегитесь, родные мои, чтобы сердце ваше не умерло прежде тела. Такое часто бывает: человек вроде живет, а сердце у него мертвое! Только не все люди это замечают. А когда заметят, то уже поздно его исправлять. Как не зарыдать при виде таких ожесточившихся людей, уснувших навеки, которые упустили прекрасную возможность прожить жизнь в благодати? Понимая это, сердце разрывается от скорби за потерявшихся детей Божиих! Даже змеи змей не кусают, чего не скажешь о языке человеческого. Чего только не изобретают заблудшие люди, чтобы при этом порочить и хулить друг друга! Недаром сказано: у лжи короткие ноги, да длинные руки. А все-таки мир держится на тех, кто сердцем держится добра,

одного-единственного, ради стяжания которого мы все родились и живем...

На этом хватит вести беседы, дорогие мои, пора и честь знать. Как говорится, смиренный и молчаливый непременно спасется, а горделивый да говорливый непременно споткнется. И недаром написано, что молчание человека — тайна будущего века, а тот, кто любит трещать, как сорока, можно добавить, находка для порока. Коль скоро сама я не могла лично все увидеть или хоть раз услышать, то неужто посмею говорить, что не упустила чего-то самого важного? Ведь всего невозможно не то что записать, но и запомнить. А если кто обнаружит в этих историях несурзанности и ошибки, убедительно прошу, чтобы иронические замечания, усмешки и подколки не переносились на прежних старцев и отцов, а целиком пусть достанутся мне, грешной и убогой монахине Порфирии. Но чтобы слова мои не разбредались, так сказать, по разным дорогам, а соединились целиком и полностью в одном заключении, слушайте же.

Напоследок расскажу вам удивительный случай с одной инокиней. Подвизается она на Кавказе, а имени ее знать не нужно. Вот, что она мне рассказывала.

«Нам батюшка неоднократно говорил о сердце и что в нем следует молиться. Слова его были понятны, а до сердца они как-то не доходили. Летела я однажды самолетом в Москву, чтобы там приобрести различную утварь для нашего храма. Трясло в полете

так, что даже бортпроводница сказала: «Сколько летаю, такого еще не видела!».

Я сжалась в уголке и молюсь, молюсь изо всех сил, страшно-то как, Господи! И вдруг поняла внезапно, что если я сейчас погибну, то буду продолжать молиться в сердце... Раньше я молилась Богу почему-то вовне, обращаясь в пространство, а теперь молитва прямо к сердцу повернулась и там молится!

И мне сразу стало все понятно: когда человек умирает, он весь становится сердцем, но не тем, которое бьется, а тем, которое внутри сердца, то есть духом человеческим, когда с ним благодать соединится. И так от этого стало спокойно и хорошо на душе, словно я в темноте ухватилась за теплую и родную руку Христову! Так бы Ему и сказала, как в песне поется:

Если б имела я десять сердец,
Все бы Ему отдала!

Вот такое, матушка, со мной приключилось; как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло! Спаси Господи нашего батюшку за его святые молитвы...»

ДУХОВНЫЕ КРОХИ

Ничего не знала хуже, чем бесполезная болтовня.
Ничего не знала лучше, чем хранить безмолвие.

Ничего не слышала хуже, чем глупый смех.
Ничего не слышала лучше, чем звучание молитвы.

Ничего не видела хуже, чем впадение в повседневные грехи.

Ничего не видела лучше, чем обретение благодати.

Ни от чего не страдала больше, чем от праздности.

Ни от чего не радовалась больше, чем от присутствия Христа в сердце.

Ничего не отягощало больше, чем погоня за вещами.

Ничего не давало счастья больше, чем накопление молитвы.

Ничто не окрадывало сердце больше, чем гордыня и тщеславие.

Ничто не обогащало сердце больше, чем смирение и покаяние.

Ничто не отдаляло душу от Спасения дальше, чем дурные страсти.

Ничто не приближало душу к Спасению ближе, чем любовь к Богу и людям.

Аминь.

*Рассказано монахиней Порфирией
в Православном сестричестве в честь свт. Иоанна
Златоуста близ Сухуми в 2012 году.*

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-составителя	5
Предисловие	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Хромоножка	8
Рождественское искушение	10
Древняя сказка	13
Две монахини	14
Турецкая келья	15
Золушка-келейница	16
Ходжа Насреддин из Бухары	17
Послушник — Мальчик-с-пальчик	18
Гуси-лебеди	19
Румынские достижения	21
Шерлок Холмс из Витебска	22
Горе от ума	25
Чешские стулья	27
Палочка-выручалочка	30
Переполох	33
Охотник и колдун	36
Монахи и безмолвие	38
Ни то ни се	39
Два поросенка	41
Свет Невечерний	43
Скатерть-самобранка	45

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Как братец сестрицу спасал	48
Злое лихо	52
Монах и рюмка	56
Как монах умирал	57
Боролся с помыслами	60
Наставляют на ум	64
Искал чудеса	66
Самый лучший Сторож	70
Ангел с крыльями	72
Батюшкина шутка	77
Чистый лист	80
Герой нашего времени	84
Небывальщина	87
Незрелое яблоко	91
Миша-путешественник	95
Молодой монашек	100
Три кольца	104
Кто как видит	108
Послушница	110
Тихоня	112
Золотые венцы	115
Заключение	117
Духовные крохи	120

ГОРНЫЙ АФОНСКИЙ МЁД

Из сада Пресвятой Богородицы

Рукоделие афонских монахов

Садом Пресвятой Богородицы с любовью называют греки Святую гору Афон. Мед, собранный трудами афонских монахов с благоуханных цветов из этого сада, теперь можно приобрести и в России.

Братство Усекновенской пустыни Катафиги на Святой горе Афон не одно десятилетие содержит свою пасеку. Монахи братства неустанно трудятся над производством меда, пыльцы и других продуктов пчеловодства. Доходы от их реализации полностью идут на содержание братства и восстановление храмов и зданий пустыни.

Контактная информация:

www.afonk.com

E-mail: afonk.info@gmail.com

Афон, Усекновенская пустынь: (+30) 237-702-2971;

(+30) 697-205-7135

Россия: +7 (905) 599-1981

Украина: +38 (067) 950-9036

Афонский горный мед
Из сада Пресвятой Богородицы
Продукт монастырской пасеки на Святой горе Афон

Горный мед всегда считался бесспорным фаворитом медового царства. Богатейшее сочетание в его составе горных, лесных и луговых растений, а также высокая экологичность делают такой мед одним из самых полезных и целебных продуктов. Стоимость его высока, и встретить этот мед в продаже можно весьма редко.

Флора Афона невероятно богата и разнообразна. Она представлена 1500 видами растений, из которых 30 видов не встречаются нигде, кроме Святой горы. Многие из этих растений относятся к редким и охраняемым видам.

Такое многообразие цветущих диких растений обеспечивает пчел нектаром практически круглый год. Они начинают собирать мед уже в феврале и заканчивают лишь к Новому году. Горный и холмистый ландшафт, ущелья и долины, уникальный микроклимат, сочетание горных, лесных и луговых растений с огромным количеством эфирно-масличных — все это придает афонскому горному меду оригинальный вкус и неповторимый ярко-выраженный аромат.

Преимуществом афонского меда является и то, что на Афоне практически не ведется никакой хозяйственной деятельности. Следовательно, местные растения не страдают от воздействия удобрений, гербицидов, промышленных и автомобильных выхлопов и т. д. Территория Афонской горы на 95% состоит из диких пустынных и лесных районов. Поэтому со-

бренный здесь мед — исключительно чистый с экологической точки зрения.

Достоинства горного меда

- высочайшее качество;
- целебные свойства;
- экологическая чистота;
- отсутствие посторонних примесей;
- собран с большого количества уникальных эфироносов;
- легкость усвоения даже детским организмом.

Польза горного меда

Продукт богат всевозможными веществами, необходимыми для здоровья организма. Оказывает следующее благотворное влияние:

- поднимает общий тонус организма;
- повышает иммунитет;
- успокаивает нервную систему;
- способствует общему укреплению организма;
- оказывает противовоспалительное действие;
- обладает доказанными бактерицидными свойствами.

Продукт применяют для профилактики и лечения различных заболеваний, таких как:

- простуда;
- вирусные инфекции;
- невралгические расстройства;
- сердечная недостаточность;
- диабет;
- бессонница;
- заболевания пищеварительного тракта.

Монахиня Порфирия

**ЛЕКАРСТВО ОТ ДУШЕВНОЙ ХВОРИ,
ИЛИ
ЦЕЛИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ,
РАССКАЗАННЫЕ С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ
ДУХОВНЫМ ЧАДАМ**

Редактор-составитель: *иеромонах Симон (Безкровный)*

Корректор: *Д. Савельев*

Верстка: *Е. Терентьева*

Дизайн обложки: *Р. Исаев*

Автономная некоммерческая организация
развития духовно-нравственных начал общества «Символик»
302008, г. Орел, ул. Машиностроительная, д. 6, офис 15
Центральный офис в Москве: Каширское шоссе, д. 17, кор. 5
Отдел продаж: 8 800 775-34-87; 8 499 677-22-94;
e-mail: sales@simvolik.ru

Также книги издательства можно приобрести оптом
и в розницу в сети магазинов «Символик»
и интернет-магазине www.simvolik.ru
Сайт издательства: simvolik-knigi.ru

Подписано в печать 15.10.2018. Формат 60×90¹/₁₆.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Объем xx печ. листов. Тираж 5000 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс»

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2